

Gardarika

Has been issued since 2014.
ISSN 2409-6288, E-ISSN 2413-7456
2016. Vol.(9). Is. 4. Issued 4 times a year

EDITORIAL BOARD

Degtyarev Sergey – Sumy State University, Sumy, Ukraine (Editor in Chief)
Kudinov Dmitrii – Sumy Regional Institute of Teacher Education, Sumy, Ukraine
Natolochnaya Olga – International Network Center for Fundamental and Applied Research, Sochi, Russian Federation
Rzheshevskii Oleg – Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Šmigel' Michal – Matej Bel University, Banská Bystrica, Slovakia

Journal is indexed by: **OAJI, Crossref, MIAR**

All manuscripts are peer reviewed by experts in the respective field. Authors of the manuscripts bear responsibility for their content, credibility and reliability.

Editorial board doesn't expect the manuscripts' authors to always agree with its opinion.

Postal Address: 26/2 Konstitucii, Office 6
354000 Sochi, Russian Federation

Website: <http://ejournal26.com/>
E-mail: sochio03@rambler.ru

Founder and Editor: Academic Publishing
House *Researcher*

Passed for printing 20.12.16.
Format 21 × 29,7/4.

Headset Georgia.
Ych. Izd. l. 4,5. Ysl. pech. l. 4,2.

Order № G09.

© Gardarika, 2016

Gardarika

2016

Is. **4**

Издается с 2014 г.
ISSN 2409-6288, E-ISSN 2413-7456
2016. № 4 (9). Выходит 4 раза в год.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Дегтярев Сергей – Сумский государственный университет, Сумы, Украина (Главный редактор)

Кудинов Дмитрий – Сумский областной институт последипломного педагогического образования, Сумы, Украина

Натолочная Ольга – Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Сочи, Российская Федерация

Ржешевский Олег – Институт всеобщей истории РАН, Москва, Российская Федерация

Шмигель Михал – Университет Матея Бэла, Банска Быстрица, Словакия

Журнал индексируется в: **OAJI, Crossref, MIAR**

Статьи, поступившие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

Адрес редакции: 354000, Россия, г. Сочи,
ул. Конституции, д. 26/2, оф. 6
Сайт журнала: <http://ejournal26.com/>
E-mail: sochioo3@rambler.ru

Учредитель и издатель: ООО «Научный
издательский дом "Исследователь"» -
Academic Publishing House *Researcher*

Подписано в печать 20.12.16.
Формат 21 × 29,7/4.

Гарнитура Georgia.
Уч.-изд. л. 4,5. Усл. печ. л. 4,2.
Заказ № G09.

CONTENTS

Articles and Statements

The Fortification of Oster in 16th – first half of 17th centuries Alexandr N. Bondar	190
Domestic Craft Industries of the Dwellers of Miropole, Kursk Governorate, at the Latter Half of the 19th – the Beginning of the 20th Century Dmitriy V. Kudinov	197
Kuzemin Fortress in the X-XVIII centuries Evgenij M. Osadchij	214

Copyright © 2016 by Academic Publishing House *Researcher*Published in the Russian Federation
Gardarika

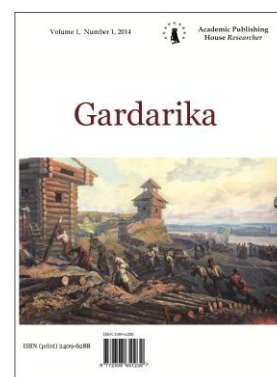
Has been issued since 2014.

ISSN: 2409-6288

E-ISSN: 2413-7456

Vol. 9, Is. 4, pp. 190-196, 2016

DOI: 10.13187/gard.2016.9.190

www.ejournal26.com

Articles and Statements

UDC 94.(477.51)

The Fortification of Oster in 16th – first half of 17th centuries

Alexandr N. Bondar

Chernihiv History Museum Named After V.V. Tarnovsky, Ukraine

Master

4, Muzeina Str., Chernihiv 14000

E-mail: oleksandrbondar@gmail.com

Abstract

The article is devoted the fortifications of the city Oster in the period between the 16th and 18th centuries. The Oster city has emerged as a border fortress in 11th century between the principality of Chernigov and principality of Pereyaslav'1. In the Late Middle Ages it was castle border between the Rzeczpospolita and Muscovy. During its history the city has twice changed its position. The fortifications were three transferred on different places. They are almost no traces today.

Keywords: Oster, castle, fortress, Rzeczpospolita.

Введение

История укреплений Остра довольно интересная, а обусловлено это, в первую очередь тем, что город с XV до XVII в. не только претерпел значительные перестройки, а и изменил свое местоположение. Впервые город упоминается в Повести временных лет под 1098 г. как «град на Востри», «Остерский Городец» основанный князем Владимиром Мономахом. Как утверждают многие исследователи, в XII-XIII вв. Остер был значительным населенным пунктом, который играл важную стратегическую и экономическую роль в своем регионе. Укрепления Остра на протяжении XII-XIII вв. несколько раз погибали в огне и перестраивались, однако окончательный их упадок относится к середине XIII в. Вероятнее всего, они могли погибнуть в водовороте событий монгольского вторжения, либо междоусобных войн.

Материалы и методы

Остер попал в поле зрения исследователей еще в XIX вв. В большинстве своем эти исследования касались либо истории населенного пункта, либо изучения Юрьевой божницы на остатках древнерусского городища. Первые разведочные археологические раскопки провели здесь Н. Константинович, Н. Макаренко, В. Богусевич, М. Кучера. Полномасштабные же исследования были проведены на территории города в 1987-1989 гг. Чернигово-Северской археологической экспедицией. В результате удалось уточнить

хронологические и территориальные рамки существования поселения. Так, А. Казаков описывает несколько линий укреплений древнерусского Остра. Помимо укреплений детинца (0,7 га) Остер имел и несколько укрепленных линий посада. Первая линия «окольный град» – до 4 га, вторая посадская линия – 25 га, и третья – около 30 га. Это позволило утверждать автору, что вместе с подолом вся заселенная территория Остра в первой половине XIII в. составляла приблизительно 70 га (рис. 1). Однако, после середины XIII в., площадь городского центра уменьшается, а роль его в жизни региона падает [3, с. 91-93].

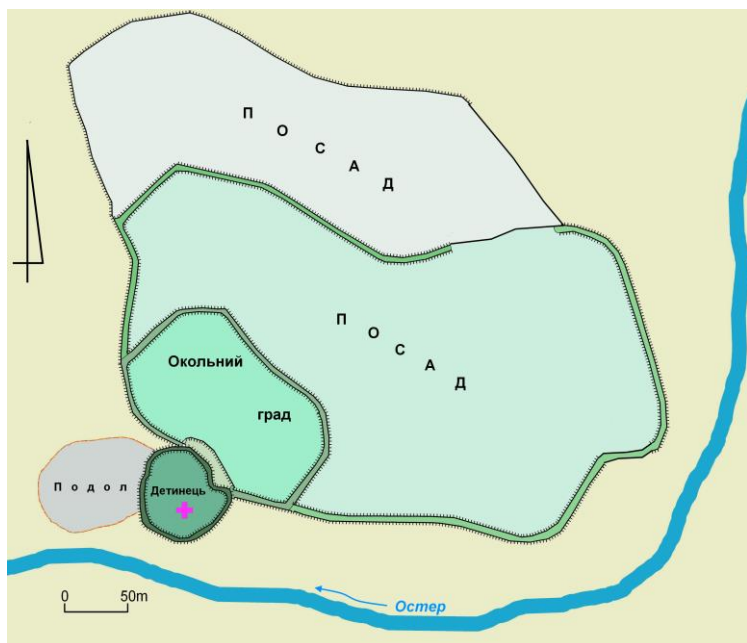

Рис. 1. Схема-реконструкция оборонительных линий Остра XII–XIII вв. (по В. Коваленко и А. Казакову).

Что касается изучения позднесредневекового Остра, то к данной тематике авторы обращались значительно меньше. Из последних работ, следует отметить лишь небольшую научно-популярную брошюру «Остер – европейське місто» вышедшую в 2011 г. под авторством А. Пенского и П. Лавринчук. Авторы в одном из разделов на доступных им источниках попытались восстановить хронологическую цепь событий, связанных с послемонгольской историей города [8].

О. Мальченко в своей монографии «Укріплені поселення Брацлавського, Київського і Подільського воєводств (XV-XVII ст.)» приводит некоторые описания остерского замка, однако видно, что автор не знаком с топографией местности, что привело к некоторым неправильным выводам о месторасположении замка XVI в. [5, с.222-226].

Что касается источников, раскрывающих вопрос о внешнем виде, топографии укреплений, то их количество не так велико. В первую очередь это «Люстрация Остерского замка 1552 г.» [1, с. 592-598]. Важным источником является и описание замка 1584 г. путешественника Мартина Грюневега, где он дал схематическое изображение укреплений Остра в виде вала с частоколом (рис. 2) [6, с. 177]. Об укреплениях Остра, хотя и мимолетно, середины – второй половины XVIII в. упоминает форанцузский автор [4, с. 399].

Рис. 2. Рисунок с изображением фрагмента укреплений Остра 1584 г. Мартина Грюневега.

Что касается изобразительных источников, то кроме, вышеупомянутого изображения Остра М. Грюневега, имеется ряд его изображений на картах XVII-XVIII вв. Но следует учитывать, что эти изображения очень и очень схематичны. Первые инструментальные планы Остра появляются лишь в конце XVIII в., когда Остер стал уездным центром Киевского наместничества (рис. 3). Также, некоторую ценность несут художественные рисунки и фото Остра XIX – начала XX вв., поскольку на них часто можно рассмотреть фортификационные элементы, уничтоженные уже в XX в.

Рис. 3. План Остра 1780-х годов с изображением остатков оборонительных валов.

Обсуждение

По некоторым сведениям, восстановление Остёрского замка началось во второй половине XIV в., а возможно и раньше, однако достоверных сведений об этом периоде нет [8, с. 18]. Дать ответ на это предположение могут только масштабные археологические исследования. Можно допустить, что все это время, начиная с древнерусских времен, укрепления находились в пределах древнерусского города.

Строительство позднесредневекового замка в Остре начал староста Ольбрахт Гаштольд в конце 1530-х годов. Именно этот замок и описан в люстрации 1552 г. В ней в частности говорится, что укрепление было построено «от Десны в версте, на старом городище около церкви стородавне мурованное опустелое» (рис. 4) [1, с. 592]. То есть, это прямо на детинце «града на Востри». От церкви, которая упоминается, здесь нынче осталась Юрьева божница.

О. Мальченко предполагал, что построенное укрепление было рядом со старым городищем, а не именно на нем, однако сопоставление данных за 1552 г. и исторической топографии Остра позволяет сказать, что замок был построен именно на месте древнерусского городища, а не где-то рядом. Новые фортификации были построены из соснового леса «з дерева соснового постав лен». Также в документе неединожды упоминается, что замок «не облепливан». Под этим термином однозначно имеется в виду традиция XVI в. обмазывания деревянных фортификаций глиной либо илом. Так, в последней четверти XVI в. глиной был обмазан Черниговский [6, с. 177] и Любецкой замки [7, с. 91].

Рис. 4. Юрьева Божница на остатках замковой горы (древнерусского детинца) в Остре. Рисунок конца XIX – начала XX вв.

Старый детинец был небольшим по размеру, всего 30 x 31 сажень (приблизительно 60 x 62 м), что и обусловило размеры позднесредневекового замка. Он был подквадратным в плане с округленными углами. Оборонительная стена состояла из 30 городень и 5 башен. Колодец на территории замка отсутствовал, а «вода аж из речки Остра форткою».

В 1549 г. под руководством городничего мастера Шутковського начались работы по реконструкции укреплений. Работы шли очень медленно, поэтому за три года было сделано всего 1 башню и 8 городень. Другие укрепления оставались старыми и не имели кровель, о чем красноречиво говорит люстрация «...але окром нових вси городни и вежи некрепки, покрыте на них поопадало, потребуе будованя знову» [1, с. 592-593]. Через ров к замку вел мост «на узводах», то есть перекидной на двух жердях (рис. 5). Кроме самих укреплений в люстрации очень докладно описана и сама замковая гора: «...не велика и не прикра, может на некоторых местцах человек на кони до стены замковое доехати; нижели только от речки Остра гора повысока и прикра, приступу тамованя; потребууть теж гора замковая з другое стороны от места перекопу, яко вже есть там от места перекопу на двадцять сажень вдовж, алебы со двое того вдовж потреба перекопу такового ж от места» [1, с. 593].

Рис. 5. Вариант реконструкции замка в Остре середины XVI в.

То есть, как видим, сама замковая гора не была серьёзным препятствием во время приступа, и в самой люстрации дается рекомендация, с наиболее уязвимых мест выкопать новый ров. Постепенно склон городища подмывался водами р. Остер (этот процесс продолжается и сейчас) и оборонительные сооружения начали сползать в сторону реки.

Также в это время был укреплен сам город. Городские фортификации примыкали к замку и сохранились еще с древнерусских времен. В это время, собственно, городские укрепления назывались «острогом». Как свидетельствует люстрация, «острог подле замку околom места от стены зася замковое же приведен добр, ново роблен дилеваном и кольем дубовым, поверху вале; а широкость острога всего от стены замковое до стены замковое же триста и семьдесят сажень» [1, с. 593]. Всего в остроге было 50 мещанских и землянских дворов, а за укреплениями еще 35.

По описи длина этой линии укреплений была около 370 саженьей (760 м), общая укрепленная площадь – около 4 га. То есть острог XVI в. как раз по площади совпадал с древнерусским «окольным градом» Остра. Как уже упоминалось выше, с древнерусских времен здесь существовало еще две линии обороны в виде валов и рвов. Однако они не были использованы в XVI в.

Старые замковые оборонительные сооружения в середине XVI в. уже не удовлетворяли потребностей польской администрации. Согласно данным, приводимым О. Мальченко, по приказу короля Сигизмунда II в 1560-1570-х годах замок был разрушен.

Новые укрепления было решено строить ближе к р. Десна. Новый замок имел регулярную планировку. Он был квадратным, размерами 90 x 90 саженьей. По углам находились башни. Со стороны Десны имел тройную стену, а с остальных трех сторон только острог. С севера замок был защищен Десной, на востоке – озером, а с юга – старицей Десны р. Поповка. К новой крепости вели двое ворот, над которыми были сведены надвратные башни [5, с. 224]. Эти данные касаются описания 1570 г. Однако уже в 1584 г. М. Грюневег описывает укрепления замка совсем по-другому: «Его (Остер – А.Б.) татары и московиты довели до того, что я должен назвать его уменьшительным именем. У воды в нем есть замок, представляющий лиш вал, на верху котрого забор из поставленных досок, почти весь стоит в лесу» [6, с. 177]. Грюневег путешествовав по Десне, потому вероятнее всего он видел именно новый замок. Поскольку как раз в это время только закончилась Ливонская война, то следует предположить, что остерский замок подвергся нападению со стороны московских войск, а возможно и не однократному. Поэтому неудивительно, что состояние его было весьма неудовлетворительным.

В таком виде замок существовал до конца XVI в. Около 1594 г. недалеко к северу от Остра московские люди начали строить новую мощную крепость Моровск, что сразу повлияло на стратегическое значение Остра. Уже в 1597 г. в новом Остерском замке были отстроены некоторые башни. Однако после уничтожения Моровска в начале XVII в. потребность в боеспособной крепости в Остре вновь отпала [2, с. 48-49, 51-52].

После Деулинского перемирия 1618 г. Остерский замок оказался в глубине территорий от границы с Московией. В 1620-х годах замок продолжал существовать, а Остер оставался центром староства. В это время его размеры несколько сократились до 80 x 80 саженей. С севера укрепления были почти уничтожены водами Десны, была подмыта даже одна из башен. В 1626 г. Остерские фортификации находились в очень запущенном состоянии: башни были без верхов и сгнили, бойницы позаваливались, а в 1628 г. Десна окончательно разрушила северную стену [5, с. 225]. Учитывая такую ситуацию, Остерским старостой А. Залесским было принято решение снова перенести замок на старое древнерусское городище. Однако и этим планам не было дано осуществиться. Судьба укреплений 1630-1650 гг. нам неизвестна. В 1659 г. киевский воевода Шереметьев пытался захватить Остерский замок, однако потеряв значительную часть людей отступил [8, с. 30-31].

В 1668 г. во время очередной русско-украинской войны казаки соорудили по Десне ряд крепостей, а Остер довольно сильно укрепили. Проводя эти фортификационные работы, они уже не брали во внимание старые укрепления, поскольку ни площадью, ни состоянием фортификаций они не отвечали потребностям. Вероятно, что те остатки валов и рвов, которые изображены на планах Остра конца XVIII в., как раз и относятся ко второй половине XVII в. На это указывает иррегулярность укреплений, как раз характерная казацким крепостям. Новые оборонительные линии отрезали двумя рядами валов и рвов город от посада. Рвы проходили с востока на запад параллельно друг другу на расстоянии 120-140 саженей. С запада крепость прикрывала р. Поповка, а с востока – р. Старая Дельница (обе сливались на севере и являли собой старицы Десны). Общая площадь укреплений теперь составляла около 40 га.

Заключение

Таким образом, Остер является уникальным памятником фортификационного и городского строительства Левобережья Украины. Начав свое существование еще в древнерусское время, город изменил свое местоположение. Изначально находясь на берегу р. Остер, в конце XVI в. был перенесен ближе к р. Десна. Его фортификации изменялись минимум три раза. До середины XVI в. использовались остатки укреплений древнерусского времени – детинец и окольный град на так называемом Старгородке. Позже польская администрация построила небольшую квадратную крепость ближе к Десне, а уже во второй половине XVII в. казаки, укрепляя город, обнесли валами и рвами территорию площадью около 40 га. К сожалению, город был очень сильно перепланирован в начале XIX в. и остатки всех укреплений теперь прослеживаются лишь частично в отдельных его частях.

Примечания

1. Архив Юго-Западной России издаваемый комиссией для разбора древних актов. Ч. VII Т. 1. К. 1886. 647+XII с.
2. Бондар О. Замки та фортеці Чернігово-Сіверщини в XV-XVIII ст.: ілюстрований довідник. К., 2015. 178 с.
3. Казаков А. Остерський Городець (етапи формування міста) // Святий князь Михайло Чернігівський та його доба. Чернігів, 1996. С. 91-93.
4. Луняк Є. Козацька Україна XVI-XVIII ст. очима французьких сучасників. Хрестоматія. Ніжин, 2013. 508 с.
5. Мальченко О. Укріплені поселення Брацлавського, Київського і Подільського воєводств (XV-XVII ст.). К., 2001. 380 с.
6. Мартин Грюневег (о. Венцеслав): духовник Марии Мнишек. Записки о торговой поездке в Москву 1584-1585 гг. М., 2013. 384 с.
7. Мицик Ю., Михайловський В. Любецьке староство в опису малознаної люстрації 1631-1633 рр. // Сіверянський літопис. № 1 (121). 2015. С. 89-96.
8. Пенський А.Г., Лавренчук П.Я. Остер – європейське місто. Чернігів, 2011. 88 с.

References

1. Arkhiv Yugo-Zapadnoy Rossii izdavaemyu kommissieyu dlya razbora drevnikh aktov. Ch. VII T. 1. K. 1886. 647+XII s.

2. Bondar O. Zamky ta fortetsi Chernihovo-Sivershchyny v XV-XVIII st.: ilyustrovanyy dovidnyk. K., 2015. 178 s.
3. Kazakov A. Osters'kyy Horodets' (etapy formuvannya mista) // Svyatyy knyaz' Mykhaylo Chernihivs'kyy ta yoho doba. Chernihiv, 1996. S. 91-93.
4. Lunyak Ye. Kozats'ka Ukrayina XVI-XVIII st. ochyma frantsuz'kykh suchasnykiv. Khrestomatiya. Nizhyn, 2013. 508 s.
5. Mal'chenko O. Ukripleni poselennya Bratslavs'koho, Kyiv's'koho i Podil's'koho voyevodstv (XV-XVII st.). K., 2001. 380 s.
6. Martin Gryuneveg (o. Ventseslav): dukhovnik Marii Mnishek. Zapiski o togovoy poezdke v Moskvu 1584-1585 gg. M., 2013. 384 s.
7. Mytsyk Yu., Mykhaylovs'kyy V. Lyubets'ke starostvo v opysu maloznanoyi lyustratsiyi 1631-1633 rr. // Siveryans'kyy litopys. № 1 (121). 2015. S. 89-96.
8. Pens'kyy A.H., Lavrenchuk P.Ya. Oster – yevropeys'ke misto. Chernihiv, 2011. 88 s.

УДК 94.(477.51)

Укрепления Остра в XVI – первой половине XVII вв.

Александр Николаевич Бондарь

Черниговский областной исторический музей имени В.В. Тарновского, Украина
14000 г. Чернигов, ул. Музейная, 4
E-mail: oleksandrbondar@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена укреплениям города Остра в период между XVI и XVIII вв. Город Остер возник как пограничная крепость в XI в. между Черниговским и Переяславским княжествами. В период позднего средневековья он отыгрывал также роль пограничной крепости между Речью Посполитой и Московским государством. За свою историю город дважды менял свое местоположение, а укрепления три раза переносились на разные места и сегодня от них почти не осталось следов.

Ключевые слова: Остер, замок, крепость, Речь Посполитая.

Copyright © 2016 by Academic Publishing House *Researcher*Published in the Russian Federation
Gardarika

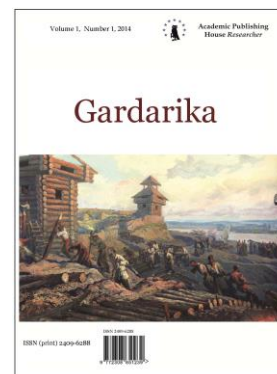
Has been issued since 2014.

ISSN: 2409-6288

E-ISSN: 2413-7456

Vol. 9, Is. 4, pp. 197-213, 2016

DOI: 10.13187/gard.2016.9.197

www.ejournal26.com

UDC 908(477.52):(334.712+334.713)

Domestic Craft Industries of the Dwellers of Miropole, Kursk Governorate, at the Latter Half of the 19th – the Beginning of the 20th Century

Dmitriy V. Kudinov

Sumy Regional Institute of Postgraduate Pedagogical Education, Ukraine

5 Rinskogo-Korsakova St., Sumy 40007

Dr (History), Assistant Professor

E-mail: dmytro.kudinov@gmail.com

Abstract

Current article is devoted to the research of the backbone of the economy of the zashtatnyi town of Miropole in post-reform period – domestic craft industries, which are the object of the present study. Their importance in the lives of citizens due to the decay in agriculture (caused by the modesty of land resources) and the increase in the activity of consumers from Kursk and Kharkov governorates is emphasized. The peculiarities of the handicraft production dynamics are specified together with the quantitative and qualitative changes in its organization and nature. Particular attention is paid to shoemaking – key type of domestic craft industries. The author stresses the outstanding role of the chairman of Sudzha zemskaya uprava Prince Pavel Dolgorukov in the establishment of craft shoe production and craftsmen healthy lifestyle.

Keywords: domestic craft industry, craftsman, workshop, leather craft, shoe making, pottery, willow weaving.

Введение

Заштатные города Российской империи, как общественная среда, представляли собой особый мир, в котором, как правило, сосуществовали типичные крестьянские хозяйские и гражданские начала вместе с городским устройством жизни, мещанским укладом и административным устройством, характерным для городских поселений. Ввиду малочисленности жителей данного типа поселений отличительной чертой, указывающей на их более высокий в сравнении с селами или слободами статус, нередко выступало наличие производства. В том случае если города не обзаводились промышленными предприятиями, выпуск местной продукции обеспечивался мелкотоварным производителем, что, в свою очередь свидетельствовало о диспропорциях экономического развития России. Вместе с процессами завершения промышленного переворота, ускоренного перехода страны на капиталистический путь развития, роста транспортной инфраструктуры, укрупнением производства и формированием крупной индустрии количественно возрастали и кустарные промыслы. Более того, реорганизовывались или вновь образовывались настоящие ремесленные кластеры, преобразующие экономическое лицо целых регионов. К таким

динамично развивающимся локальным центрам можно отнести и заштатный город Суджанского уезда Курской губернии Мирополье.

Материалы и методы

Основными источниками для исследования указанной темы послужили статистические сведения о количестве кустарей, стоимости их труда, приведенные в ряде экономических исследований и обзоров по состоянию кустарного промысла конца XIX – начала XX вв. [3; 13; 14; 16; 20; 21; 25; 26; 32], в энциклопедических статьях [18; 19], и, наконец, в документах Государственного архива Курской области (Ф. 1. Оп. 1. Д. 4413: Дело по представлению земского начальника Суджанского уезда о пошиве сапог для Киевского военного интендантства артелью сапожников в заштатном городе Мирополье, 1892; Ф. 4. Оп. 1. Д. 144: Статистические сведения о городах Курской губернии) [4; 5].

Кустарные промыслы Мирополья наряду с ремеслами других населенных пунктов Европейской части Российской империи становились предметом исследования не только экономической науки пореформенного периода (в том числе и В. Ленина), но и ряда исторических публикаций. В частности, авторов статьи, посвященной прошлому Мирополья в «Истории городов и сел Украинской ССР: Сумская область» (1980), российского историка-урбаниста А. А. Терещенко, украинского этнолога Н. В. Литвинчук, ее российской коллеги Н. Федотовой и сочинителя данной публикации [9; 10; 11; 12; 17; 28; 29; 30; 34], опиравшихся в своих научных разведках на значительное количество фактических данных, в т. ч. впервые вводимых в научный оборот. Особо следует выделить диссертационную работу российского историка Р. А. Лаптева [15], посвященную становлению и эволюции кожевенно-сапожного производства в Курской губернии. В ней наиболее полно развернута характеристика этапов развития обувной индустрии в регионе, определены ее качественные отличия от промыслов иных областей империи. Вне анализа автора не остались и ремесленные предприятия Мирополья. Однако, несмотря на уделенное внимание указанными исследователями промыслам конкретно Мирополья, они, тем не менее, ими либо не выделялись в особую тему, а становились частью широких по выбранным географическим рамкам (Центральное Черноземье, Курская губерния, Сумщина), либо рассматривались весьма лаконично. Собственно, это обстоятельство и определило цель данного исследования – сформировать комплексное представление о развитии кустарных промыслов Мирополья, об их влиянии на формирование собственно городской среды, а вместе с тем и на социальный состав жителей города.

Обсуждение

Ремесленное производство в Мирополье зародилось вместе с образованием города в середине XVII в. К концу следующего столетия оно представляло собой структурированную цеховую организацию. В 1771 г. тут существовали кузнецкий (18 чел.), портняжный (96 чел.), ткацкий (40 чел.), сапожный (117 чел.) и гончарный (17 чел.) цеха. Помимо 288 мужчин к ним также были приписаны 267 женщин и несколько десятков наемных работников [9, с. 314; 34, л. 19–42]. В целом, количество лиц, занятых ремеслом, не превышало 10% городского населения, тогда как большинство миропольцев проявляли экономическую активность в аграрной сфере (в «Топографическом описании Харьковского наместничества» за 1788 г. указывалось, что «главный промысел города и уезда – хлебопашество») [31, с. 157], да и значительная часть кустарей продолжала трудиться на земле. Подобное положение сохранялось вплоть до конца XIX века, когда стесненные малоземельем жители города не начали массово переходить на кустарные промыслы, полностью теряя связь с землей или сводя ее к минимуму.

О развитии ремесла в Мирополье в пореформенный период можно судить исходя из следующих посылок: 1) динамика роста ремесленного производства, как по числу задействованных в нем, так и по объему вырабатываемой продукции на продажу; 2) изменения в профессиональном составе ремесленников и определение ведущей отраслевой специализации; 3) социальный состав кустарей, их имущественное расслоение; 4) уровень модернизации ремесленного производства; 5) тенденции укрупнения производства и кооперации; 6) изменения в быте и культуре горожан в связи с превращением Мирополья в крупный центр кустарного производства.

Развитие местных промыслов не происходило поступательно. Например, за первую половину XIX века численность ремесленников в Мирополье даже несколько уменьшилась. В начале 1860-х годов в городе насчитывалось 143 мастера. Правда, эта цифра приведена без учета многочисленных миропольских скорняков, упоминаемых «Военно-статистическим описанием Курской губернии» [2, с. 104], а также без кустарей пригородных слобод, поэтому действительное количество ремесленников, многие из которых причислялись к хлебопашцам, исчислялось сотнями, но не превышало показатель 1771 г. Профессиональный состав миропольских кустарей на момент отмены крепостного права распределялся следующим образом: 82 сапожника и башмачника, 18 портных, 15 мясников, 11 кузнецов, 8 столяров, 5 печников, 2 бондаря и 2 трубочиста [19, с. 43; 21, с. 260]. Таким образом, к 1861 г. ни один из кустарных промыслов не стал массовым занятием. Даже наличие отдельных крепких кустарных хозяйств не влияло на положительную для Мирополья статистику. Например, в отчете губернатора И. П. Лужина о развитии ремесел в Курской губернии за 1854 г. оно совершенно не упоминается среди прочих ремесленных центров региона [8, с. 198–199].

Относительно стабильное положение сохраняли группы сапожников и кузнецов, сумевших переориентироваться с местного рынка на отдаленные регионы. В частности, кузнецы, вопреки своей малочисленности, заслужили репутацию хороших мастеров не только в Курской губернии, но и за ее пределами. Покупателями особо ценились крепкие металлические путы миропольских «ковалей», изготовление которых стало их специализацией [23, с. 24]. Однако самым марочным миропольским товаром в середине XIX в. являлись все же сапоги. Сапожное ремесло в этот период окончательно выделяется в профессиональную отрасль, во многом дистанцированную от сельского хозяйства. Обувь крупными партиями сбывалась преимущественно в Полтаву, Кременчуг, Николаев, Харьков, Ростов-на-Дону, Мариуполь, Одессу, а также в города Северного Кавказа [15, с. 26, 57; 19, с. 43; 20, с. 34]. Причиной популярности здесь миропольских сапог, по мнению современников, служило неумение южных кустарей качественно выделывать кожи, тогда как обувь «чеботарей» Курской губернии оказывалась и прочнее и изящнее.

Развитию сапожного ремесла в Мирополье способствовала, в первую очередь, близость украинского рынка: на Надднепрянщине во второй половине XIX века лапти были менее распространены в быту, чем в великороссийских губерниях; с ростом населения естественным образом повышался и спрос на обувь. Внутренним фактором, влиявшим на развитие обувного производства, являлось наличие значительного поголовья скота в Миропольской волости. По данным на начало XX в. в одном только Мирополье ежегодно забивалось до 2850 голов крупного рогатого скота и до 1325 мелкого [5, л. 102]. Кожи не только скупались у местных резчиков, но и везлись из Новороссии, а с развитием железнодорожного сообщения – также из Москвы и Кимр.

К началу пореформенного периода кожевенно-сапожный промысел, по определению В. Ленина, уже сложился в «прочную организацию чисто коммерческого характера» [16, с. 350]. Происходила монополизация производства подрядчиками. «Сбытчиками» выступали торговцы-перекупщики, закупавшие «кожу-сырец» и передававшие ее затем для обработки кустарям. Таким образом, сапожное производство в Мирополье в 1850–1860-е годы было организовано по принципу рассеянной мануфактуры [10, с. 30].

После кратковременного оживления кустарного производства, пришедшегося на 1860-е годы, вновь наступил период его стагнации. Проведение железных дорог не самым лучшим образом повлияло на некоторых промыслах. Удорожание леса, уходившего теперь, главным образом, на «чугунку», заставило многих горшечников отказаться от ремесла и податься в отхожие промыслы. По железным дорогам в Курскую губернию начали прибывать кожи лучшего качества, что привело к усилению конкуренции среди ремесленников и к разорению многих из них. К тому же в 1870-е годы центр сапожного производства переместился на юг, где сконцентрировалось значительное количество рабочих – основных покупателей сапог. Упадок отрасли не лучшим образом отразился и на качестве ее продукции. Подобным образом развитие железнодорожной сети отразилось и на кузнечестве. Отныне Харьков и Полтава – прежние важные рынки сбыта для местных мастеров – получали в массе качественное «английское» и «нижегородское» железо, обзаводились собственными мастерскими и более не нуждались в изделиях курских

кузнецов. В результате, миропольские кустари оказались вынужденными обслуживать исключительно потребителей местного рынка, переселяться в места сбыта своего продукта или осваивать новые занятия. Например, в 1884 г. двое бывших кузнецов миропольской слободы Пенянки устроились работать на один из кирпичных заводов в Харькове, а еще один подался сторожить бахчу местному землевладельцу [26, с. 168, 189–193]. Для многих других «промышленников» разных специальностей выходом из сложного материального положение стало выращивание табака, что до введения акциза на данную техническую культуру и новых правил сбыта в 1882 г. приносило им известную прибыль.

Спад или переориентация экономической активности кустарей вело к регрессу и даже к исчезновению целых отраслей. В результате, по выражению земских обозревателей, в Мирополье к середине 1880-х годов наблюдалось «странное явление» – крупный центр кустарного производства вдруг начал испытывать недостаток в мастерах определенной специализации [26, с. 21]. Спад производства сопровождался оттоком капитала. В 1880-х годах скупщиками сапог оставались лишь мелкие дельцы из числа разбогатевших крестьян с активом в несколько сотен рублей, нередко приобретавших товар в кредит у самих сапожников. В 1900-х годах таковых в Мирополье насчитывалось порядка 20 человек и столько же в Снагости, Юнаковке, Боромле и других ближайших населенных пунктах. Заказы от них на крупные партии продукции практически не поступали [20, с. 34]. Напротив, кузнечное ремесло, прежде независимое от скупщиков, оказалось под их контролем. «Из 28 кузнецов Пенянки, – указывали исследователи кустарных промыслов Курской губернии, – только четверо не были ничего должны двум местным скупщикам; остальные же все понахватили у них кто на 5, кто на 10, а кто и на 80 руб. невыделанного железа». Особая ситуация сложилась в ситном промысле. Тут при существующем разделении труда в качестве скупщиков полотен выступали мастера-обечники [26, с. 193–210].

Во второй половине 1880-х годов в Мирополье спад ремесленного производства сменился подъемом, что было связано с ростом городского населения в Курской губернии, развитием здесь и в ближайших украинских губерниях крупной промышленности, а главное, с увеличением численности рабочих – потребителей кустарного товара. На развитие ремесла также повлиял отказ от выращивания табака, который прежде кормил половину населения. «С падением табачной культуры многие принуждены были покинуть свое родовое гнездо и пойти на косовицу, по плотницкой и каменщицкой части, или же заняться кустарными производствами. Вот почему здесь так увеличилось количество кожевников, гончаров, ситовников и даже гребенщиков», – отмечали курские статистики [26, с. 194]. Еще одним фактором развития кустарного промысла стало освобождение из сельского хозяйства значительного количества рабочих рук. Растущее малоземелье и низкий заработок в аграрной сфере толкало население к новому приложению своих сил. «Кустарные промыслы, – указывалось в «Справочном сборнике Суджанского экономического бюро» за 1900 г., – служат подспорьем для сельского населения и с каждым годом расширяются» [27]. Начиная с 1890-х годов отход сапожников в Новороссию принял временный или сезонный характер. А уже в 1903 г. курский помещик, член местного комитета Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности М. Балабанов приводил пример Мирополья в числе «счастливых, но исключительных пунктов, где население, работая круглый год, живет значительно лучше, занимаясь зимой разными промыслами и ремеслами» [15, с. 68; 32, с. 292]. Постепенно из «подспорья» индивидуальное или семейное предприятие превращалось в основной вид хозяйствования. Согласно подсчетам исследователя кустарных промыслов в Курской губернии Н. Пономарева, отхожие промыслы давали местным крестьянам заработок в среднем 40 руб., тогда как ремеслом можно было заработать до 100 руб. [25, с. 317]. В 1880-х годах наибольший процент кустарей, отказавшихся от земледелия, приходился на ситников, годовой заработок которых достигал 130 руб. (у ситника) или 300 руб. (у обечника). Наконец, и в остальных видах промыслов мы наблюдаем упрочение профессионального состава ремесленников, а также массовое вовлечение горожан в кустарные промыслы: в 1864 г. в Мирополье насчитывалось 479 «промышленников», в 1885 г. – 1369, а в 1904 г. – уже около 2300 [5, л. 103; 18, с. 257; 26, с. 37].

В пореформенный период изменился и профильный состав ремесел. По данным на 1904 г. в Мирополье были распространены гребеночный (398 чел.), войлочный (61 чел.),

шапочный (60 чел.), кузнечный (39 чел.), гончарный (81 чел.) и ситный (585 чел) промыслы. В 1910-х годах к уже существующим ремеслам также добавилось вязание рыболовных сетей [5, л. 103; 33, с. 81].

Совершенно новыми в плане товарного характера в пореформенный период для Мирополья были гребеночный, шапочный, войлочный и ситный промыслы. Развитию последнего немало благоприятствовало доступность сырья (конский волос и драпка для обечайки), дешевизна реманента (красенки, поклестик и берда общей стоимостью не больше 1 руб.), легкость в освоении ремесла, наличие собственных («спокон віку») домашних ремесленных традиций. Для большинства ремесел характер производства не претерпевал изменений. На новой технической базе длительное время развивалась лишь пошивка головных уборов – исследователь кустарного производства в России В. Воронцов отмечал, что все миропольские шапошники за первую половину 1880-х годов успели обзавестись швейными машинами [3, с. 200]. В 1884 г. шапочным производством было занято уже более 80 человек, преимущественно мещан. Шили они традиционные крестьянские шапки («фасон изделий никогда не изменяется»), которые делились условно на «дешевые» из поддельного барашка, уходившие покупателю по цене 40–50 коп., или «дорогие» (до 1 руб. 20 коп.). За двадцать лет стоимость продукции уменьшилась до 35–40 коп. средней стоимости изделия, к которому к тому же потребитель стал выносить более строгие требования, что компенсировалось увеличением производительности труда мастеров. О реализации товара шапошники беспокоились сами, развозя их по соседним ярмаркам, поэтому промыслом могли заниматься практически только владельцы лошадей, в чем и заключалась хрупкость данного занятия. Как только шапошник лишался тягла, он, как правило, отказывался и от своего ремесла. Конкретный пример приводился в обзоре промыслов Курской губернии (1885 г.): «Крестьянин Яков Волков был в обучении у мастера Дацека 4 года, потом завел свою мастерскую; но, когда «от Божьей воли» пала у него лошадь он, не будучи в состоянии приобрести другую, бросил и мастерство свое, и дом, и ушел в Донщину, в челядинцы (батраки – Д. К.). А таких Волковых здесь, по общему отзыву крестьян, очень много». От промысла постепенно отказывались и «лошадные» кустари, ввиду сложности сбыта товара, перемещения центров шапочного производства в города вдоль Сумской линии и Курско-Киевской железной дороги, узости местного рынка и, наконец, из-за невозможности прокормить себя за счет одного только ремесла (один мастер мог заработать немногим более 50 руб./год) [26, с. 162–166]. Представленные в 1880-х годах прогнозы о сужении промысла в будущем вполне себя оправдали. Сопоставляя данные 1884 и 1904 годов о числе кустарей, видно, что промысел утратил четверть мастеров. При этом прослеживалась тенденция к их расслоению: состоятельные кустари распределяли работу коллегам, неспособным самостоятельно продать продукцию [20, с. 54].

В 1880-х годах оживился гребеночный промысел, которым по состоянию на 1884 г. был занят 21 чел. Кроме того, пять дворов обзавелись наемными рабочими, чего прежде не было, – свидетельство востребованности продукции кустарей. Хотя для начала производства не требовался значительный начальный капитал (стоимость инструментов составляла 3 руб. 50 коп.), тем не менее, этот промысел также не приносил существенного дохода большинству ремесленников, немного превышая годовую прибыль на одного работника в 50 руб., а в начале 1900-х годов и вовсе опустился до 30 руб./год, когда в промысел втянулись 59 дворов [20, с. 53; 26, с. 193–196].

В куда более сносном положении оказывалось войлочное производство, находящееся в тесной связи с кожевенным промыслом. Кустари-войлочники свой товар продавали не только местным шапошникам, но и сбывали его на сахарные заводы, в крупные города на строительство. Заработок в 120–130 руб. по местным меркам признавался высоким. Однако по причине огромной вредности для здоровья данный вид промысла не обрел большого количества желающих им заниматься [20, с. 55].

Традиционным промыслом Мирополья оставалось гончарство. Глину местные горшечники покупали у монахов соседней с Миропольем Белогорской пустыни по 50 коп. за воз или за «глечик» молока. Краску добывали дарма из камня-«саморода». Поскольку поливой миропольцы изделий не покрывали, потому и стоимость их составляла всего за 1–2 коп. за штуку. Несмотря на дешевизну сырья и значительную выработку (до 3600 горшков в год от каждого работника), гончарство из-за сильной конкуренции и технического

отставания местного производства в 1890-х годах оказалось на грани исчезновения. Однако благодаря энергичным действиям Суджанского земства, направленным на модернизацию отрасли, удалось добиться ее сохранения. Уже в 1901 г. мастера Мирополья и слободы Гончарной (Суджа) произвели посуду на сумму около 2500 руб. Тем не менее, низкие заработки кустарей (в 1880-х годах – 20–36 руб./год), а также рост цены глины и леса не способствовали упрочению промысла – в 1902 г. гончарством занималось всего 11 миропольских дворов [13, с. 210; 20, с. 56; 26, с. 172–174]. В схожей ситуации оказалось и кузнечество. Проникновение в деревню промышленных скобяных изделий повлияло на сокращение производства, а самим ремесленникам пришлось заняться отходничеством во внутренние районы Центрального Черноземья [17; 26, с. 170].

Перепись городского населения 1904 г. не упоминает ткачей, тогда как еще двадцать лет назад имевший давние традиции ткацкий промысел в Мирополье имел крепкую основу и давние традиции. В середине 1880-х годов им в слободах Пенянка и Студенок занимались 16 мастериц, которые сбывали свою продукцию как на местных ярмарках и базарах, так и прасолам из Сумского уезда. Основным видом продукции были рушники, ткавшиеся из хлопчатобумажной материи. За 12 часов работы одна женщина могла выткать до 1,5 аршина материи; ее средний дневной заработок составлял 13 коп. В начале XX в., предположительно, ткачество окончательно приобрело домашний характер, не выдерживая конкуренцию с фабричными производителями. Тем не менее, несмотря на малоперспективность данной отрасли, в 1910-х годах Суджанское земство все же осуществило попытку ее возрождения – в Мирополье разместилось отделение Суджанской школы ткачества с учебной коверной мастерской [26, с. 153–154; 33, с. 78–79]. Это начинание, однако, не привело к весомому результату из-за начавшейся Великой войны.

Судя по переписи 1904 года, к этому времени в Мирополье совершенно исчезло колесное производство, которым еще в 1880-х годах было занято несколько дворов. Земцами и тогда отмечалась тенденция сокращения количества колесников – следствие вырубki лесов, а также развития промысла в соседних регионах Курской губернии [26, с. 183, 187–188].

Совершенно иной характер в конце XIX – в начале XX вв. приобрело сапожное производство, сохранив статус ведущей отрасли ремесла. Более того, оно определило узнаваемость Мирополья в промышленном мире и служило своеобразным брендом заштатного города. Если применительно к 1880-м годам Н. Пономарев средоточием кожевенно-промышленного производства в Курской губернии называл исключительно Новооскольский уезд, то уже в справочной и экономической литературе конца XIX – начала XX вв. к «центрам сапожников-кустарей» причислялось и Мирополье [9, с. 350]. О динамичном развитии здесь сапожного промысла можно судить, прежде всего, по данным о количестве кустарей. Если в 1864 г. пошивом обуви занимались 187 чел. (мастеров, подмастерьев и учеников), то в 1885 г. всех сапожников насчитывалось уже 253 чел., в 1886 г. – 325, а в 1904 г. – около 1 тыс. или практически каждый десятый житель города (по переписи 1897 г. в Мирополье вместе с прилегающими слободами проживал 10101 чел.) [5, л. 103; 8, с. 274; 15, с. 57; 18, с. 257; 19, с. 43; 30, с. 42].

Миропольские сапожники изготавливали свою продукцию во внушительных промышленных масштабах. За 1885 г. ими было пошито 83860 пар сапог на сумму в 179810 руб. В 1890-х годах, по данным Р. Лаптева, миропольские сапожники изготавливали до 40 тыс. пар сапог в год, часть из которых поставлялась военному ведомству. А в 1910-е годы миропольцы шили уже более 100000 пар [15, с. 81; 30, с. 42].

Причину данных колебаний следует рассмотреть особо. Сокращение в течение последнего десятилетия XIX в. количества производимой обуви, казалось бы, парадоксально сочетается с ростом численности «чеботарей». На самом деле отмеченный спад количественных показателей обуславливался, прежде всего, повышением требований к качеству продукта. Если прежде мастер в день мог сшить до 4 пар сапог, то на рубеже веков в одиночку он делал пару в среднем за два дня. Посему годовая производительность труда одного взрослого рабочего доходила до пошива 200 пар. При условии совмещения промысла с земледелием данный показатель составлял не более 130. Однако если у сапожника имелся ученик (мальчик в возрасте от 12 лет), то производственные возможности отдельно взятого мастера, в таком случае, увеличивалась на 40–60 пар [20, с. 44].

Еще одним фактором, влиявшим на спад производства, была интервенция на всероссийском рынке продукции мастеров из Московской и Тверской губерний (кимрские, корчевские и дмитровские сапожники). Поэтому нередко реальное количество производимой миропольцами обуви было меньшим, чем указанные выше цифры и могло ограничиваться всего несколькими десятками пар.

Высокая конкуренция и дешевизна все увеличивающейся рабочей силы делали сапоги кустарей относительно недорогим промышленным продуктом. В 1890 г., например, их цена доходила до 4,3 руб. В 1900-е годы такса колебалась зависимо от сезона: осенью она доходила до 5 руб. за пару, а в Великий пост, когда крестьянин испытывал нужду, составляла всего 2,5 руб. Относительно невысокая стоимость обуви влияла и на скромные показатели заработков кустарей. В год рядовой сапожник зарабатывал не более 200 руб. [20, с. 44–45; 24, 247; 25, с. 325].

Требования рынка определили совершившиеся изменения в техническом вооружении сапожников, а также ассортименте и качестве продукта. Если прежде сапоги миропольцами шились из коровьей и конской кожи, то начиная с 1880-х годов – исключительно из коровьей. Значительная часть сырья ввозилась извне, особенно из Екатеринославской губернии, с переплатой для покупателя в 50 коп – 1 руб. Также кожи заказывались в Москве, Киеве и на ярмарках Полтавщины. В 1902 г. стоимость сырья для сапожников выглядела следующим образом: средняя коровья кожа – 5–6, средняя конская – 4–5, воловья – 9–12 руб. Выделка коровьей кожи обходилась в 70 коп., воловьей – в 1,4 руб. [20, с. 44].

Основными видами производимой обуви (по аналогии с ассортиментом сапожников соседнего Сумского уезда) были: «прикройные» («пидлепные»), «выворотные» и «вытяжные» («гвоздевые») сапоги, «моршни» (род туфель), а также женские черевички. В прикройных сапогах голенища пришивались к передкам, в выворотных подметка пришивалась к сапогу изнутри («під завидь»), после чего весь сапог смачивался водой и выворачивался наизнанку; вытяжные шились из целого куска. Прикройные изготавливались быстрее и стоили дешевле, потому и покупались, прежде всего, крестьянами [7, с. 52–53]. Качество таких сапог было несоразмерно хуже гвоздевых сапог. «Обыкновенно крестьянин, – отмечал Н. Пономарев, – купив подобные сапоги, прежде чем надеть их, берется... сам за шило и дратву и, можно сказать, вновь сшивает «по своему» купленную и ненадеванную еще обувь» [25, с. 322]. Подобное замечания относилось и к сапогам, шедшим прежде на продажу в Новороссию. «Сапог в Мирополье шился очень непрочно. В сущности сапог поступал на рынок лишь покроенным и сметанным, окончательно же дошивался местными сапожниками», – отмечалось в «Статистическом описании некоторых кустарных ремесел в Суджанском уезде» [20, с. 35]. Наконец, суровый приговор миропольским сапожным изделиям вынес и обозреватель кустарных промыслов Курской губернии Н. Добротворский: «Потребители знают, что носить сапоги михайловские и миропольские в том виде, как они выходят из мастерской производителя, решительно невозможно – «подметки растеряешь» [14, с. 79–80].

Неважное качество сапог пояснялось прежде всего материалом. «Выделка кож весьма плохая, ведется по устарелым приемам; – писал Н. Пономарев, – кожи не додубливаются и в силу этого являются весьма непрочным материалом. При расспросах, некоторые кожевенники-кустари заявляли, что как ни выделывай кожу, скупщик не даст ни копейки больше; следовательно, нечего стараться и об улучшении изделия» [25, с. 322]. Шире эту мысль развернул Н. Добротворский. Помимо «неумения выделывать кожи» и низкой потребительской культуры на местном рынке («высоко ценится фасонистый покрой» в ущерб качеству), по его мнению, важным обстоятельством являлось отсутствие мотивации к пошиву крепкой обуви, как следствие наступления на местный рынок промышленной обуви и удешевления рабочей силы. «Провозишься за парой два-три дня, сделаешь ее по совести, а тебе дают ту же цену, – жаловались ремесленники уже не на скупщика, а на прямого потребителя, – какой же тут расчет стараться?», тогда как выворотных сапогов мастер с подмастерьем могли «шутя сработать» 2–4 пары в день или за полдня, если брались за «прочный» тип такой обуви. «Раз войдя в эту колею и приобретя себе реноме примерных кожевенников и кройщиков, – заключал Н. Добротворский, – но весьма плохих сапожников, производители здешние волей-неволей должны держаться теперь традиционного, скороспелого и непрочного выворотного сапога, потому что, в противном случае, их ожидает

понижение заработка, который за последние годы и без того сильно понизился вследствие конкуренции тверяков и москвичей» [14, с. 81]. В результате, курский губстаткомитет в 1880-х годах отмечал недостаток хороших мастеров в губернии, неаккуратность в исполнении сроков заказов, а также невысокую добротность изделий [29, с. 19]. Таким образом, на усиление притока качественной обуви из центральных губерний местные мастера отвечали увеличением количества своего продукта с одновременным удешевлением его себестоимости. Низкая культура производства определялась техническим застоєм отрасли, неспособностью местного кустаря-одиночки конкурировать с организованным на мануфактурных началах тверским или московским работником, отсутствием у миропольских владельцев мастерских капитала, достаточного для кооперации отдельных кустарей и налаживания фабричного производства. Поэтому когда подход к организации и содержанию труда сапожников изменился в лучшую сторону, это сразу же отразилось на положении промысла. Уже в 1890-х годах осуществлялась постепенная капитализация производства, улучшился отбор кожевенного материала на дальних рынках, происходило знакомство кустарей с новыми технологиями, улучшилось качество продукции (существенно сократился пошив выворотных сапог). Наконец, в следующем десятилетии обувь Курской губернии вновь завоевала себе признание – она отличалась высокой конкурентоспособностью и широко сбывалась купцами в южной части Европейской России [28, с. 129]. Качество марки миропольской обуви, устоявшееся в предреволюционный период сохранялось и в первые годы существования советской власти, чему, например, находим свидетельство в воспоминаниях бывшего начальника районной милиции в г. Мирополье С. Козюлькина: «Надо отметить, что выделанные на сапоги яловые голенища с головками были хорошего качества, хорошо выдывался и полувал для стелек, задников и т. п.», хотя изготовление «спиртовых подошв» в Мирополье так и не было налажено [6, л. 59].

В пореформенный период труд сапожника продолжал оставаться ручным. Обыкновенный реманент сапожников составляли следующие орудия: дубильный чан («кваснык»), зольник («шаплык»), в котором обрабатывались шкуры раствором гашеной извести, ступа для толчения дуба, сапожные «доски-кобылицы», «пильга» для фиксации кожи, «писачок» для отделки задников, штрихоль для очистки от шерсти, крючки, иглы, клещи и косы. Набор ручных инструментов в 1880-х годах скупался сапожником на 2–3,8 руб., кваснык и зольник – на 3–5 руб. соответственно. Через два десятилетия цены на инструментарий повысились: отныне ручные инструменты обходились сапожнику в 5 руб., а зольник на 100 кож – в 15 руб. Механические инструменты, как, например, швейная машина, стоили еще дороже и приобретались далеко не всеми. То же самое касалось и «конной ступы», стоимость которой могла достигать до 150 руб. [7, с. 47–48; 20, с. 44].

Необходимость увеличивать капиталовложения в производство и без того отягощали социальное положение ремесленников, попадавших в группу риска по ряду профессиональных заболеваний. Отсутствие необходимых санитарных условий и механизации производства, продолжительный рабочий день, нередко превышавший 12 часов (а у наемных рабочих доходивший и до 13–14 часов: «зимой и летом рабочие встают обыкновенно в 5–6 часов и забастовывают работу к 9–10 часам вечера; в течение дня для завтрака, обеда и ужина времени уходит от 1½ – 2 часов, да кроме того, рабочие пользуются еще одним часом отдыха») сказывались на состоянии здоровья сапожников. В частности, Н. Пономарев указывал, что в 1880-х годах особые помещения для выделки имелись только у зажиточных кустарей. Остальные нередко в мастерские превращали свои хаты, отравляя воздух «миазмами, положительно невыносимыми для непривычного человека» [14, с. 85; 25, с. 322]. Поскольку нередко в производство попадали кожи с палого скота, частыми среди кожевенников и сапожников оказывались случаи заражения, в т. ч. сибирской язвой. Распространение получили заболевания т. н. впалой груди (т. н. «грудь сапожника»), а также мигреней и геморроя.

Кустари Мирополя не представляли собой однородную социальную среду. Суджанское земство использовало в их отношении следующую классификацию согласно данным на 1902 г.: 1) сапожники, занимающиеся исключительно промыслом и немного земледелием (494 двора); 2) сапожники, занимающиеся помимо производства сапог еще и выделкой кож (234); 3) кожевенники, не выдывающие сапог (10); 4) «посадчики»

(в основном приезжие в Мирополье мещане из г. Ельца Орловской губернии), работающие по денно у сапожников на выделку кож (19) [21, с. 33]. В данной типологии отображена исключительно профессиональная дифференциация. Куда больший интерес представляет социальная стратификация кустарей, представленная в работе Н. Пономарева: 1) крупные предприниматели, использовавшие наемную рабочую силу и являвшиеся одновременно организаторами производства, скупщиками кож и готовых сапог; 2) мелкие производители, скупавшие кожи у поставщиков и работавшие самостоятельно на рынок (по подсчетам Н. Пономарева, «самая многочисленная категория кустарей»); 3) мелкие производители, работавшие на дому по заказу крупных предпринимателей; 4) крестьяне, трудившиеся по найму у предпринимателей и 5) ученики, обучавшиеся ремеслу на хозяйских харчах [25, с. 321]. Схожую классификацию составил Н. Добротворский: 1) «крупные хозяева-скупщики» (исследователь насчитал всего 7 таких человек во всей слободской части Курской губернии с капиталом до 10 тыс. руб.; на момент этого заключения в Мирополье не было ни одного из них); 2) «хозяева, имеющие более или менее значительные сапожные мастерские с наемными работниками и обладающие оборот-капиталом в 500–2000 руб. сер.» (основная экономически активная группа представителей сапожного промысла); 3) «производители, работающие по найму в чужих мастерских» (378 чел.); 4) «производители, работающие на крупных хозяев первой категории, из готового хозяйского [невыделанного] материала» (132 чел.); 5) «производители, работающие сдельно на хозяев второй категории, из хозяйского же [подготовленного] материала» (244 чел.); 6) «мелкие домашние производители, которые ведут производство самостоятельно, работая силами своих семей, из своего материала и при том прямо и непосредственно для рынка» (2952 чел.); 7) ученики (78 чел.) [14, с. 63–65]. Отличием этой классификации является выделение крупных скупщиков, которые в бытность исследования Н. Добротворского еще окончательно не исчезли, а также разделение по несущественным признакам кустарей по найму или договоренности 4 и 5 категорий. Важным в ней является подсчет состава каждой из групп, позволяющей удостовериться в живучести состава мелких производителей – наиболее стабильном социальном образовании, из которого рекрутировался как полупролетариат, так и мелкобуржуазная прослойка собственников мастерских. Семейный характер, наследственность и даже закрытость для чужаков сапожного промысла опосредовали малую численность учеников. Очевидно, процесс роста численности кустарей происходил, главным образом, за счет привлечения в дело новичков по родственным связям. Примечательным в этом отношении является наличие большого числа однофамильцев в различных обращениях кустарей к органам власти – Денищенок, Малецких, Петренок, Волковых, Поддубных и пр.

После создания земской сапожной мастерской образовалась еще одна группа кустарей – земские сапожники, не обладавшие собственностью на средства производства, но удовлетворяющихся частью условленного дохода по договору. Эта категория отличалась наличием определенных социальных гарантий, стабильным заработком, уверенностью в завтрашнем дне, что особо подчеркивалось представителями власти. В частности, курский губернатор Н. П. Муратов в 1913 г. отмечал, что из сельских сапожников, к коим он относил и миропольцев, наиболее обеспеченными являлись работающие в земских мастерских. Еще до образования мастерской предшествующая ей артель обеспечивала ее членов доходом до 3 руб. в неделю, что в 1,5–2 раза превышало прибыль индивидуального мастера. А с появлением названного предприятия ее работник мог заработать до 1,2 руб./день, что в годовом выражении при условии отсутствия простоя соответствовало доходу всего семейного подряда сапожников или даже более того, учитывая тот факт, что в свободное от основной работы время «земские» брались еще и за частные заказы [8, с. 389; 20, с. 21–23].

По своему классовому статусу «земские» сапожники вполне соответствовали определению наемных рабочих, что признавало и само земство: «В организации кустарных мастерских волей-неволей придется все ближе приближаться к фабричному устройству, т. е. к совместной работе с полным разделением труда». Соотносят к названной категории и такие признаки как начисление заработной платы, а не определение части прибыли, процедура принятия на работу или увольнения, дистанцирование рядовых работников от управления. Вместе с тем, в организацию производства закладывались артельные начала, невозможные для исключительно рыночного предприятия с его установкой на норму

прибыли и присвоение результата труда эксплуатируемой рабочей силы владельцем. «Главное отличие от частного предприятия должно состоять в принципе участия рабочих в прибылях операции в форме добровольного со стороны земства увеличения заработной платы», – подчеркивали суджанские земцы [20, с. 24]. Именно это обстоятельство позволяет «земских» определить как представителей пролетариата, но поставленного в особые, привилегированные по отношению к остальным наемным рабочим условиям (высокая оплата труда, нормированный рабочий день, наличие определенной самоорганизации производства). При этом и сам «эксплуатор» в лице П. Долгорукова и земской управы периода его каденции (1892–1902 гг.) в налаживании производства руководствовался не стремлением к прибыли, а желанием обеспечить достойную жизнь работников, поднять их технический, культурный и моральный уровень, а в перспективе даже предполагал «передать все дело в распоряжение кустарей». Хотя по ряду причин этого не произошло (отстранение П. Долгорукова от руководства управой, «правение» курса уездного земства после Первой русской революции, заинтересованность военного заказчика в компетентном в административном отношении поставщике, недоверие к организаторским способностям самих малограмотных кустарей), социальный эксперимент, поставленный в стенах Миропольской земской мастерской, продемонстрировал свою эффективность не только по результатам труда, но и в управленческом подходе, в самой организации труда, в мотивации прямых производителей. Не удивительно, что уже через два года после образования мастерской от желающих поступить в нее на службу просто «отбоя не было».

В пореформенный период новым явлением стало появление группы собственно наемных рабочих при частных мастерских. В 1902 г. таковых в Мирополье насчитывалось 81 чел.; по своему положению к ним приближались также ученики (133 чел.). Годовой взрослый рабочий получал на хозяйских харчах 60–80 руб. Однако наиболее распространенной формой оплаты была сдельная – 50 коп. за пару. Посадчики получали еще меньше – 20–40 коп. Плата ученикам составляла 10–30 руб. в год на хозяйском содержании; также каждый из них обеспечивался 1–2 парами сапог. При этом в обязанности батраков входило не только исполнение непосредственных профессиональных функций, но и помощь хозяевам по дому, в выделке кожи, стружке и пр. Примечательно и то, что оплата труда за двадцать лет, предшествующих данной оценке, фактически не выросла. По данным Н. Добротворского, годовая зарплата рабочих-мастеров в середине 1880-х годов в зависимости от типа сапог колебалась в пределах 45–80 руб., месячная – 6–10 руб., сдельная – от 10 до 50 коп. Отличительной чертой отрасли являлся двойная наемка – хозяин определял задачу работнику, который, в свою очередь, для рутинных и несложных операций нанимал из своей зарплаты помощников (перешивальнику платилось 3–8 коп. за пару). В таком случае рабочему приходилось жертвовать до 1/5 своего заработка, который по состоянию на 1880-е годы в таком случае снижался до среднего значения в менее чем 50 руб./год [14, с. 84–86, 92; 20, с. 42, 44].

Характерную категорию сапожников, которую предпочли не обособлять в отдельную группу ни Н. Пономарев, ни Н. Добротворский, составляли «бабы» – женщины, приловчившиеся заниматься «мужским», как традиционно считалось, занятием. По данным Н. Добротворского, некоторые кустарные хозяйства вообще находились исключительно в руках женщин. Но в большинстве случаев «жинкы» выполняли роль подсобных работников (чаще всего «перешивальников»). Та же тенденция сохранилась и в последующие годы, когда женщины привлекались к тачке сапог земской мастерской [14, с. 87; 19, с. 24].

Социальное расслоение сапожников объясняется, в первую очередь, реорганизацией кожевенно-сапожного дела в пореформенный период. Монополия подрядчиков, от которых прежде зависел успех производства, исчезла вместе с распространением железных дорог. Сапожники стали вполне независимыми производителями, а скупщики оказались вынужденными найти иное приложение своим капиталам. «Теперь организация такова, – разъяснял новые формы сапожного производства применительно к Курской губернии В. Ленин: – крупных предпринимателей около 120 чел.; они имеют мастерские с наемными рабочими и раздают работу на дома; мелких самостоятельных (которые однако закупают кожи у крупных) – до 3000 чел.; работающих на дому (на крупных хозяев) – 400 чел. и столько же наемных рабочих...» [16, с. 350]. Имущественная разница между этими группами отчетливо видна по размерам капиталов. Например, основные наличные средства

самостоятельных сапожников в конце XIX в. составляли в среднем 112 руб. У мелких кустарей, перебивающихся заказами, – до 10 руб. Зато у оборотистых ремесленников капитальные средства могли исчисляться тысячами [30, с. 41]. В Мирополье наиболее крупными такими предпринимателями являлись Криворотенко, Михальченко, Кацор, Поддубный и Суметов. Им принадлежали кожевенно-сапожные заводы с числом наемных рабочих более 10 чел. (при среднем количестве рабочих 3–6 чел. на «капиталистическую» мастерскую) [15, с. 103]. Чистый годовой доход таких предпринимателей доходил до 2 тыс. руб., в десять раз превышая, таким образом, прибыли рядовых мастеров. Зарботки последних, наоборот, сокращались ввиду роста конкуренции. Так, в конце 1880-х гг. подмастерья могли зарабатывать от 40 до 80 руб., а годовой доход рядового мастера не превышал 200–300 руб. [25, с. 323]. Те же цифры обнаруживаем относительно 1900-х годов. Если учесть инфляцию и рост стоимости жизни, станет ясным, что реальные доходы кустарей за 20 лет на порядок уменьшились. В целом, на рубеже XIX–XX вв. прослеживается тенденция к выделению крупных предпринимателей и пролетаризации значительного количества мелких производителей, чему немало способствовала не только недостаточность частной инициативы и предприимчивости, но также и архаичная организация производства большинства кустарей. В связи с этим любопытно и то обстоятельство, что невысокие заработки не позволяли многим кустарям полностью порвать связь с сельским хозяйством. Н. Добротворский хотя не разделял кустарей по факту связи с землей, тем не менее, увязывал его со стоимостью обуви: «Самая дорогая цена бывает летом, в особенности с июля месяца до половины сентября, потому что в это время сапожники *цельми массами* (выделено мной – Д. К.) уходят на косовицу, в южные губернии, или же рассыпаются по соседним экономиям, работая там поденно или помесечно» [14, с. 84–85]. Это важное дополнение дает представление не только о недостаточности заработка одним только сапожным мастерством, что подбивало городских кустарей к поиску дополнительного дохода на стороне, но и о сохранении ими связи со своим прежним аграрным миром, определенного земледельческого уклада и даже о вынужденном возврате к сельскому хозяйству после многолетнего ухода исключительно в ремесло.

Разумеется, «аграрность» кустарей негативно отражалась на техническом состоянии производства, согласовывалась с временной потерей прибыльности сапожной отрасли. Это подвигло часть ремесленников к поиску новых организационных форм промысла и к кооперации труда. В 1890 г. 80 сапожников «Запсельской части г. Мирополье» обратились в Суджанское уездную земскую управу с просьбой оказать им материальную (ссуду на год в размере до 2 тыс. руб.) и моральную поддержку. Ремесленники жаловались, что сапожный промысел приходит от года в год в упадок «благодаря недостатку у большинства наших доверителей денежных средств и отсутствию выгодных условий сбыта», что угрожало для них полным разорением. Надо полагать, что как земство, так и сами кустари сознавали назревшую необходимость внести упорядоченность в стихийно развивающийся промысел, поставить его на современную техническую и управленческую основу. «Устройство артельных кожевенных мастерских», вместе с развитием системы дешевого кредита, образованием товарно-сырьевых складов и закупок машин для толчения дубовой коры, в качестве ожидаемо эффективных мер по поддержке сапожного промысла еще в 1886 г. предлагал Н. Добротворский. Самым главным (и сложным) в этом деле он считал убедить кустарей в необходимости образования таких мастерских, «так как есть много причин, по которым можно сомневаться, чтобы кустари когда-нибудь сами взялись за это дело». Очевидно, подобная разъяснительная работа со стороны местной интеллигенции все же проводилась, поскольку она наконец нашла поддержку среди части кустарей.

Идя навстречу миропольцам, шефство над ними взял председатель уездной управы князь П. Долгоруков, обратившийся с ходатайством к военному ведомству относительно армейских заказов. Первоначальным капиталом для организации артельной работы кустарей стала сумма в 3 тыс. руб., занятая Суджанским земством у Курской губернской земской управы на три года без процентов. Со своей стороны управа потребовала установить наблюдение за ходом работ, устройством артели, а также учредить свое посредничество в вопросах принятия заказов и проведения расчетов. Первый военный заказ «в виде опыта» был оформлен в январе 1893 г. на 800 пар сапог из казенного материала по цене 1,40 руб. «за шитье пары с прикладом». С этой суммы на оплату труда одной «партии» (бригады

в составе трех человек) выделялось 45 коп. (20 коп. – мастеру, 15 коп. – подмастерью и 10 коп. – «подручнику»). Выполнением подряда занялась организованная мастером И. Денищенко группа из 30 мастеров. Хотя первая партия сапог была принята с большими сложностями, ввиду недовольства заказчиком относительно качества работы, в сентябре 1893 г. последовало заключение нового договора с Киевским окружным военно-интендантским управлением на пошив еще 800 пар сапог. Отбраковка, задержки поставки обеих партий привели к убытку, который был принят на себя уездным земством как поручителем. Причины этой неудачи, по мнению председателя земской управы П. Долгорукова, лежали в отсутствии правильного руководства артели, в рассеянности производства по отдельным хатам, из-за чего оказывалось сложным синхронизировать производственные процессы. Наконец, нареkanie встретил и алкоголизм, столь распространенный в среде сапожников [4, л. 2, 6, 9, 19; 14, 103–104; 20, с. 20–22].

Невзирая на негативный опыт, управа не отказалась от намерения помочь миропольским кустарям, но изменила подход к делу. Было принято решение организовать мастерскую, находящуюся в собственности земства по образу подобного предприятия в Новоскольском уезде. С целью ознакомления с постановкой дела сюда были откомандированы будущий управляющий миропольской мастерской П. Глуховцев и один мастер. На средства земства было нанято подходящее помещение, определено руководство – заведующий, смотритель и старший мастер, привлечены к работе наиболее нуждающиеся кустари. Работа в мастерской была организована по принципу мануфактуры с разделением труда (на 13 операций), что привело к значительному увеличению выработки. Агрегатов в цеху было немного – несколько швейных машин для пришивки ушков, вытяжная машина, штамповальная машина для вырезки подошв.

После того как удалось убедить военное ведомство в высоком качестве товара миропольцев, управа в 1896 г., стремясь прочно обеспечить производителям обуви госзаказ, заключила контракт с интендантством на 5 тыс. пар сапог. Вновь был взят кредит у губернского земства, на который в следующем году, наконец, была организована собственная земская мастерская и при ней кожевенный завод. Поскольку последний со временем прекратил выпуск продукции, местная кожа начала поступать с частного кожевенного завода бывшего земского стипендиата Селетренникова, устроенного в 1900 г. В 1898 г. на предприятии насчитывалось 120 работников, в 1904 г. – 185, а в 1912 г. здесь уже трудилось 232 чел. Вместе с численностью работников возрастали и производственные мощности мастерской. За один только 1899 г. сапожники земской мастерской пошили 15 тыс. пар солдатских сапог, 3500 пар госпитальных и 400 пар офицерских туфель для военного ведомства. Кроме того, кожевенный завод изготовил промышленной кожи на сумму 2154 руб. В 1900-е годы мастерская могла производить уже более 100 тыс. пар обуви, оформившись в крупное сапожное предприятие. Отказавшись от найма помещения, ставшее теперь тесным, земство в 1899 г. выкупило для мастерской просторное двухэтажное кирпичное здание с пошивочным цехом, а также отдельными дубильными и зольными помещениями и конторой. А в 1901 г. новые контракты и увеличение стоимости продукции позволили земству пристроить к нему новое здание. Земство также уделяло большое внимание техническому обновлению производства (постепенно увеличивалось количество швейных машин), использованию достижений науки в данной отрасли, привлечению специалистов для обучения и организации производства в мастерской (в частности, известного в России кустарного техника К. Стронского в 1899 г.). Ежедневный заработок на данном предприятии для мастера составлял максимум 1 руб. 20 коп., подмастерья – до 75 коп. и ученика – до 40 коп. [5, л. 103; 11, с. 129; 12, с. 203; 13, с. 211; 20, с. 5–6, 30].

В земскую мастерскую принимались, в первую очередь, те ремесленники, которые едва сводили концы с концами. Судя по отзывам земства, уже в первые годы существования предприятия благосостояние многих кустарей значительно улучшилось, «не говоря уже о некотором материальном их достоянии, выражающемся и в довольно опрятной одежде всех членов семьи работника». Более того, уверяла управа, «в молодежи заметна даже претензия на франтовство. В продовольствии, которое состояло у сапожников в первый год существования мастерской большей частью из одного хлеба, капусты и огурцов, – теперь же редко кому из рабочих не приносят на обед в скоромные дни мясных блюд, а в постные – рыбных (все это легко наблюдается, так как в мастерской заведено одно время, когда

рабочие обедают); мало того, у многих замечается, так сказать, подъем духа, сознание, что если он сегодня сыт, семья его не голодна и одета, то это его довольство может продолжаться, пока он будет работать в мастерской» [13, с. 206–207]. П. Долгоруков отмечал, что работники предприятия не только отличались примерным прилежанием (стремление не отставать от товарищей, изолированность от домашних хлопот), но и трезвостью («самым отчаянным алкоголикам деньги не выдавались на руки, а по книжкам получали расчет их жены») [20, с. 25].

Изначально определяя организацию мастерской как своего рода социальный эксперимент, Суджанская земская управа, находящаяся под влиянием либералов, большое значение придавало культурному развитию ее работников. Уже в первые годы ее существования внутренние стены заведения использовались с познавательной целью – на них висели картины на исторические и религиозные темы, а также плакаты по биологии и анатомии. А с устройством нового здания мастерская превратилась в настоящий культурный центр города. Здесь расположился миропольский комитет Общества попечительства о народной трезвости, чайная и читальня с библиотекой. Сюда же была проведена из Суджи телефонная линия (в 1904 г. в мастерской располагался единственный телефонный аппарат в городе) [5, л. 103]. Наконец, в 1902 г. при мастерской была организована любительская труппа, поставившая в первый «театральный сезон» спектакли по пьесам Гоголя и Островского [20, с. 28, 34–35]. Зимой 1905–1906 гг. здесь также давали представления «любители» под руководством учителя Горнальской земской школы И. Крыщенко [1, с. 84–85]. К сожалению, сведений о ее репертуаре и зрительских симпатиях не сохранилось.

Заключение

Кустарные промыслы Мирополья в пореформенный период определяли ведущее направление экономической жизни города, который впервые в своей истории переставал быть исключительно аграрным по роду занятий жителей поселением. Масштабная перестройка центральной части города в камне, появление частных или административных усадеб с участием архитекторов, утверждение стационарной торговли, появление учебных заведений, наконец, существенное увеличение численности жителей (от 10528 чел. в 1885 г. до 13050 в 1908 г.) – следствие, в первую очередь, «смены профессии», пусть даже вынужденной для многих миропольцев. В результате, Мирополье вместе с прилегающими слободами превратилось в крупный центр ремесленного производства, интегрированный во всероссийский рынок (сбыт сапогов в Украине, на Кавказе, на Дону; гребней – в Центрально-черноземном районе; волока – в Курской и Харьковской губерниях и т. д.).

Ведущим звеном кустарного производства стал сапожный промысел, который обрел «второе дыхание» с появлением земской мастерской, поспособствовавшей техническому и технологическому перевооружению промысла, образованию чисто капиталистических предприятий, дальнейшему возрастанию численности кустарей. Изменялись в лучшую сторону культура и быт сапожников, выросла численность городского населения. Сапожные мастерские задавали тон жизни всего города. К сожалению, ни в царское время, ни в советскую эпоху сапожное производство так и не обрело фабричную организацию. Отсутствие железной дороги, лишение Мирополья городского статуса, исключение его из планов индустриализации повлияли на постепенно угасание сапожного промысла и, в конечном итоге, обеспечили его полную утрату. На сегодняшний день традиции «чеботарства» не только не сохранились, но и сама память о них оказалась практически стертой. Еще в 1980 г. наследственный сапожник, заведующий обувной мастерской Миропольского быткомбината В. Петренко жаловался, что остался фактически единственным на всю округу специалистом, что ему решительно некому передать опыт [22]. На сегодняшний день актуализация славного ремесленного прошлого Мирополья во многом может поспособствовать если не возрождению отдельных промыслов (в условиях растущей безработицы они могли бы обеспечить как появление линии эксклюзивной продукции, так и повлиять на занятость населения), то развитию сельского зеленого туризма, для которого данный населенный пункт обладает всеми возможностями.

Примечания

1. Бугров Ю. А., Бордунова А. А., Симонян Р. З. Свет курских рамп. Очерки истории театральной культуры Курского края. – Курск: Славянка, 2009. 123 с.
2. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Издаваемое по высочайшему повелению при 1-м отделении Департамента Генерального штаба: [в 17 т.]. Т. 13. Ч. 3: Курская губерния. СПб.: Тип. Департамента Генерального штаба, 1850. 286 с., разд. паг.
3. Воронцов В. П. Очерки кустарной промышленности в России. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1886. 233 с.
4. Государственный архив Курской губернии (ГАКО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 4413. 22 л.
5. ГАКО. Ф. 4, Оп. 1. Д. 144. 120 л.
6. Государственный архив общественно-политической истории Курской области. Ф. 3532. Оп. 2. Д. 320. 83 л.
7. Ефименко П. Кустарные, отхожие и некоторые сельские промыслы в Сумском уезде. Харьков: Харьк. губ. земство, 1882. 111 с. (Труды Комиссии по исследованию кустарных промыслов Харьковской губернии; Вып. 1).
8. Из истории Курского края: Сборник документов и материалов / Сост.: Ф. Ф. Лаппо и др. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1965. 406 с.
9. Калининченко Ф. П., Петров Г. Т., Токарев П. П. Мирополье // История городов и сел Украинской ССР в двадцати шести томах: Сумская область. К.: Институт истории Академии наук УССР, 1980. С. 314–323.
10. Кудинов Д. В. Заштатный город Мирополье середины XIX века: историко-статистические заметки // Gardarika. Международный научный журнал. 2014. № 1. С. 26–36.
11. Кудинов Д. В. Мирополье: Исторический очерк. Сумы: ООО «Печатный дом «Папирус», 2012 г. 268 с.
12. Кудинов Д. В. Сапожный промысел города Мирополье в пореформенный период // Суджа и суджане в отечественной и зарубежной истории и культуре: сборник статей и материалов / ред.-сост. А. И. Раздорский; редкол.: В. А. Кудинов (пред.) [и др.]. Курск: КурГУ, 2015. С. 197–205.
13. Курский сборник, с путеводителем по городу Курску и планом города / Под ред. Н. И. Златоверховникова. Курск: Курский губ. стат. ком., 1902. Вып. 3: Материалы по этнографии Курской губернии. [2], XII, [2], 69, 123 с.
14. Кустарные промыслы Курской губернии. Курск: Тип. Губ. земства, 1886. Вып. II. 254 с.
15. Лаптев Р. А. История кожевенно-обувной отрасли российской индустрии: конец XVIII – начало XX веков (на примере Курского региона): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Курск, 2005. 176 с.
16. Ленин В. И. Развитие капитализма в России: Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности. М.: Государственное издательство политической литературы, 1947. 583 с.
17. Литвинчук Н. В. Традиционное ремесленничество украинско-российского пограничья: некоторые аспекты изучения межэтнических контактов (по материалам этнографических исследований Сумской области) // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история: сб. ст. по матер. XXXV междунар. науч.-практ. конф. 2014. № 3. Режим доступа: <http://sibac.info/conf/social/xxxv/37642>. Заголовок с экрана.
18. Мирополье // Географическо-статистический словарь Российской империи / [Сост.: П. Семенов, В. Зверинский, Л. Майков]. СПб.: Типография В. Безобразова и комп., 1867. Т. III. С. 256–257.
19. Мирополье // Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861–62 г. СПб.: Тип. К. Вульфа, 1863. Ч. I. С. 42–43.
20. Очерк деятельности Суджанского уездного земства по развитию кустарных промыслов и описание некоторых из них. Курск: Тип. Кур. губ. земства, 1902. 56 с.
21. Памятная книжка Курской губернии на 1860 год. Курск: Тип. губ. правл., 1860. 363 с.
22. Петренко В. Майстри перевелися / В. Петренко // Перемога. 1980. № 15. С. 3

23. Плаксин И. М. Торговля Курской губернии во второй половине XIX века: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Курск, 1997. 154 с.
24. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 3-е: в 33 т. СПб.: Гос. тип., 1885–1916. Т. 12: 1892: От № 8215–9216 и Дополнения. 1895. 1353 с. разд. паг., 37 л. ил.
25. Пономарев Н. В. Кустарные промыслы Курской и Киевской губерний. Исследования 1889–1890 гг. // Отчеты и исследования по кустарной промышленности в России. СПб.: Типография В. Киршбаума, 1892. Т. I. С. 317–353.
26. Промыслы и вземзледельческие занятия крестьян Центрального района / Н. Добротворский. Курск: Тип. Губ. земства, 1885. 229 с.
27. Суджа: историческая справка. Режим доступа: <http://www.sudga.ru/showthread.php?t=367>. Заголовок с экрана.
28. Терещенко А. А. Города Центрального Черноземья и их население во второй половине XIX – начале XX века. Курск: КурГУ, 2009. 199 с.
29. Терещенко А. А. Социально-экономическое развитие провинциального города в России второй половины XIX – начале XX веков (на примере Курской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Курск, 1999. 218 с.
30. Терещенко А. А. Торговля и ремесло в городах Центрально-Черноземного региона во второй половине XIX – начале XX века. Курск, 2006. 60 с.
31. Топографическое описание Харьковского наместничества с историческим предуведомлением о бывших в сей стране с древних времен переменах, взятым к объяснению деяний и хронологии из «Татарской истории» Баядур-Хана, «Российской истории» князя Щербатова, «Начертания Европейской истории» Готфрида Ахенвалля и «Политической истории» Самуила Пуффендорфа. М.: Компания типографическая, 1788. 170 с.
32. Труды местных сельскохозяйственных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Курская губерния. СПб.: Народная польза, 1903. 875 с.
33. Федотова Н. А. Ткацкие промыслы Курской губернии в 1903–1915 гг. (по материалам документов Государственного архива Курской области) // Научные дискуссии о ценности современного общества. Сборник материалов III-й международной научно-практической конференции (г. Липецк, 29 ноября 2013 г.) / Отв. ред. Е. М. Мосолова. Липецк: «РаДуши», 2013. С. 70–85.
34. Центральный государственный архив Украины в г. Киеве. Ф. 1640. Оп. 1. Д. 3. 45 л.

References

1. Bugrov Yu. A., Bordunova A. A., Simonyan R. Z. Svet kurskikh ramp. Ocherki istorii teatral'noy kultury Kurskogo kraya. – Kursk: Slavyanka, 2009. 123 s.
2. Voenno-statisticheskoe obozrenie Rossiyskoy imperii. Izdavaemoe po vysochayshemu poveleniyu pri 1-m otdelenii Departamenta General'nogo shtaba: [v 17 t.]. Т. 13. Ч. 3: Kurskaya guberniya. SPb.: Tip. Departamenta General'nogo shtaba, 1850. 286 s., razd. pag.
3. Vorontsov V. P. Ocherki kustarnoy promyshlennosti v Rossii. SPb.: Tip. V. Kirshbauma, 1886. 233 s.
4. Gosudarstvennyy arkhiv Kurskoy gubernii (GAKO). F. 1. Op. 1. D. 4413. 22 l.
5. GAKO. F. 4, Op. 1. D. 144. 120 l.
6. Gosudarstvennyy arkhiv obshchestvenno-politicheskoy istorii Kurskoy oblasti. F. 3532. Op. 2. D. 320. 83 l.
7. Efimenko P. Kustarnye, otkhozhie i nekotorye sel'skie promysly v Sumskom uезде. Khar'kov: Khar'k. gub. zemstvo, 1882. 111 s. (Trudy Komissii po issledovaniyu kustarnikh promyslov Khar'kovskoy gubernii; Vyp. 1).
8. Iz istorii Kurskogo kraya: Sbornik dokumentov i materialov / Sost.: F. F. Lappo i dr. Voronezh: Tsentral'no-Chernozemnoe knizhnoe izdatel'stvo, 1965. 406 s.
9. Kalinichenko F. P., Petrov G. T., Tokarev P. P. Miropol'e // Istoriya gorodov i sel Ukrainskoy SSR v dvadtsati shesti tomakh: Sumskaya oblast'. K.: Institut istorii Akademii nauk USSR, 1980. S. 314–323.
10. Kudinov D. V. Zashatnyy gorod Miropol'e serediny XIX veka: istoriko-statisticheskie zametki // Gardarika. Mezhdunarodnyy nauchnyy zhurnal. 2014. № 1. S. 26–36.

11. Kudinov D. V. Miropol'e: Istoricheskiy ocherk. Sumy: OOO «Pechatnyy dom «Papyrus», 2012 g. 268 s.
12. Kudinov D. V. Sapozhnyy promysel goroda Miropol'e v poreformenny period // Sudzha i sudzhane v otechestvennoy i zarubezhnoy istorii i kul'ture: sbornik statey i materialov / red.-sost. A. I. Razdorskiy; redkol.: V. A. Kudinov (pred.) [i dr.]. Kursk: KurGU, 2015. S. 197–205.
13. Kurskiy sbornik, s putevoditelem po gorodu Kursku i planom goroda / Pod red. N. I. Zlatoverkhovnikova. Kursk: Kurskiy gub. stat. kom., 1902. Vyp. 3: Materialy po etnografii Kurskoy gubernii. [2], XII, [2], 69, 123 c.
14. Kustarnye promysly Kurskoy gubernii. Kursk: Tip. Gub. zemstva, 1886. Vyp. II. 254 s.
15. Laptev R. A. Istoriya kozhevenno- obuvnoy otrasli rossiyskoy industrii: konets XVIII – nachalo KhKh vekov (na primere Kurskogo regiona): dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.02. Kursk, 2005. 176 s.
16. Lenin V. I. Razvitie kapitalizma v Rossii: Protsess obrazovaniya vnutrennego rynka dlya krupnoy promyshlennosti. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1947. 583 s.
17. Litvinchuk N. V. Traditsionnoe remeslennichestvo ukrainsko-rossiyskogo pogranich'ya: nekotorye aspekty izucheniya mezhetnicheskikh kontaktov (po materialam etnograficheskikh issledovaniy Sumskoy oblasti) // Aktual'nye voprosy obshchestvennykh nauk: sotsiologiya, politologiya, filosofiya, istoriya: sb. st. po mater. XXXV mezhdunar. nauch.-prakt. konf. 2014. № 3. Rezhim dostupa: <http://sibac.info/conf/social/xxxv/37642>. Zagolovok s ekrana.
18. Miropol'e // Geograficheskoe-statisticheskoy slovar' Rossiyskoy imperii / [Sost.: P. Semenov, V. Zverinskiy, L. Maykov]. SPb.: Tipografiya V. Bezobrazova i komp., 1867. T. III. S. 256–257.
19. Miropol'e // Ekonomicheskoe sostoyanie gorodskikh poseleniy Evropeyskoy Rossii v 1861–62 g. SPb.: Tip. K. Vul'fa, 1863. Ch. I. S. 42–43.
20. Ocherk deyatel'nosti Sudzhanskogo uezdnoy zemstva po razvitiyu kustarnykh promyslov i opisanie nekotorykh iz nikh. Kursk: Tip. Kur. gub. zemstva, 1902. 56 s.
21. Pamyatnaya knizhka Kurskoy gubernii na 1860 god. Kursk: Tip. gub. pravl., 1860. 363 s.
22. Petrenko V. Maystri perevelisya / V. Petrenko // Peremoga. 1980. № 15. S. 3
23. Plaksin I. M. Torgovlya Kurskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX veka: dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.02. Kursk, 1997. 154 s.
24. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy Imperii. Sobranie 3-e: v 33 t. SPb.: Gos. tip., 1885–1916. T. 12: 1892: Ot № 8215–9216 i Dopolneniya. 1895. 1353 s. razd. pag., 37 l. il.
25. Ponomarev N. V. Kustarnye promysly Kurskoy i Kievskoy guberniy. Issledovaniya 1889–1890 gg. // Otchety i issledovaniya po kustarnoy promyshlennosti v Rossii. SPb.: Tipografiya V. Kirshbauma, 1892. T. I. S. 317–353.
26. Promysly i vnezemledel'cheskie zanyatiya krest'yan Tsentral'nogo rayona / N. Dobrotvorskiy. Kursk: Tip. Gub. zemstva, 1885. 229 s.
27. Sudzha: istoricheskaya spravka. Rezhim dostupa: <http://www.sudga.ru/showthread.php?t=367>. Zagolovok s ekrana.
28. Tereshchenko A. A. Goroda Tsentral'nogo Chernozem'ya i ikh naselenie vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka. Kursk: KurGU, 2009. 199 s.
29. Tereshchenko A. A. Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie provintsial'nogo goroda v Rossii vtoroy poloviny XIX – nachale XX vekov (na primere Kurskoy gubernii): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.02. Kursk, 1999. 218 s.
30. Tereshchenko A. A. Torgovlya i remeslo v gorodakh Tsentral'no-Chernozemnogo regiona vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka. Kursk, 2006. 60 s.
31. Topograficheskoe opisanie Khar'kovskogo namestnichestva s istoricheskim preduvedomleniem o byvshikh v sey strane s drevnykh vremen peremenakh, vzyatym k ob'yasneniyu deyaniy i khronologii iz «Tatarskoy istorii» Bayadur-Khana, «Rossiyskoy istorii» knyazy Shcherbatova, «Nachertaniya Evropeyskoy istorii» Gotfrida Akhenvallya i «Politicheskoy istorii» Samuila Puffendorfa. M.: Kompaniya tipograficheskaya, 1788. 170 s.
32. Trudy mestnykh sel'skokhozyaystvennykh komitetov o nuzhdakh sel'skokhozyaystvennoy promyshlennosti. Kurskaya guberniya. SPb.: Narodnaya pol'za, 1903. 875 s.
33. Fedotova N. A. Tkatskie promysly Kurskoy gubernii v 1903–1915 gg. (po materialam dokumentov Gosudarstvennogo arkhiva Kurskoy oblasti) // Nauchnye diskussii o tsennosti sovremennogo obshchestva. Sbornik materialov III-y mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy

konferentsii (g. Lipetsk, 29 noyabrya 2013 g.) / Otv. red. E. M. Mosolova. Lipetsk: «RaDushi», 2013. S. 70–85.

34. Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv Ukrainy v g. Kieve. F. 1640. Op. 1. D. 3. 45 l.

УДК 908(477.52):(334.712+334.713)

Кустарные промыслы жителей г. Мирополье Курской губернии во второй половине XIX – в начале XX вв.

Дмитрий Валерьевич Кудинов

Сумский областной институт последипломного педагогического образования, Украина

40070, г. Сумы, ул. Римского-Корсакова, 5

Кандидат исторических наук, доцент

E-mail: dmytro.kudinov@gmail.com

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию основе экономики заштатного города Мирополье в пореформенный период – кустарным промыслам. Подчеркивается их значение в жизни граждан вследствие упадка сельского хозяйства, вызванного малоземельем, и увеличением потребительской активностью Курской и Харьковской губерний. Особенности динамики ремесленного производства определены количественными и качественными изменениями в его организации и характера. Особое внимание уделяется сапожному промыслу – ведущей отрасли ремесла города. Автор подчеркивает выдающуюся роль председателя Суджанской уездной земской управы князя Петра Долгорукова в создании сапожной мастерской, в улучшении материального положения, здоровья и быта ее работников.

Ключевые слова: кустарные промыслы, ремесленник, мастерская, кожевенный, сапожный, гончарный, ткацкий промыслы.

Copyright © 2016 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Gardarika

Has been issued since 2014.

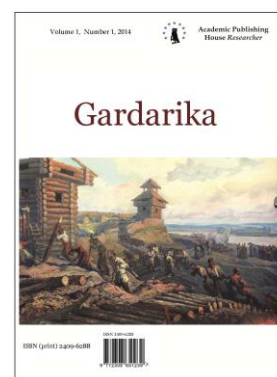
ISSN: 2409-6288

E-ISSN: 2413-7456

Vol. 9, Is. 4, pp. 214-235, 2016

DOI: 10.13187/gard.2016.9.214

www.ejournal26.com

UDC 94 (477) «9-17»

Kuzemin Fortress in the X-XVIII centuries

Evgenij M. Osadchij

Department of Culture and Tourism of the Sumy Regional State Administration, Ukraine

PhD (History)

E-mail: sumchatyj75@mail.ru

Abstract

The paper presents the studies carried out on the territory of the modern village of Kuzemin. This settlement originated as a small fortified settlement of the Sever tribe, and then the center of the rural community of Ancient Rus. After its destruction by the Mongols in the XIII century, life there is resumed in the middle of the XVII century. Kuzemin become a base of the military “sotnya” of regiments from Poltava, and then of Zinkovskaya and Hadiach regiments. During the events of the Great Northern War 1708-1709's, it was occupied by Swedish troops and destroyed during their departure. In the XVIII century Kuzemin becomes a remote and insignificant settlement of the Chernigov region. It is, however, known as a centre of pottery and woodworking crafts.

Keywords: Kuzemin, castle, Rzeczpospolita, Great Northern War, fortification.

Введение

Укрепления в селе Куземин формировались в течение многих столетий и связаны с присутствием в среднем течении реки Ворскла племён скифов и северян, древнерусского и украинского населения. Эта территория, расположенная на границе с Диким Полем, часто подвергалась нападениям кочевников, что в свою очередь вынуждало оседлое население строить защитные укрепления. Городок Куземин в середине XVII – начале XVIII вв. оказался в эпицентре нескольких военных конфликтов, тесно связанных с судьбой украинских земель. В XVIII в. он – один из крупных гончарных центров Левобережной Украины. К сожалению, картографические источники, отображающие градостроительную историю Куземина крайне скудны, но информация, полученная в ходе археологических и картографических исследований последних лет, позволяет реконструировать историю укреплений на территории современного населённого пункта.

Материалы и методы

В работе использованы методы исторического исследования, в частности принцип историзма, позволяющий рассматривать историю крепости Куземин в развитии; комплексный междисциплинарный метод, позволяющий совместить данные, полученные от результатов различных дисциплин – картографии, археологии, истории. В работе с архивными материалами использовался метод опоры на исторические источники. Для построения целостной картины динамики развития исследуемого объекта

использовались методы: историко-сравнительный, историко-типологический, историко-системный, исторической периодизации.

Для воссоздания истории развития городка Куземин были использованы преимущественно письменные и археологические источники. Это документы, опубликованные во втором и третьем томах многотомного издания «Акты Московского государства», вышедших в начале XX в., трёхтомный сборник документов «Воссоединение Украины с Россией», труды Д.И. Багалея, посвящённые колонизации Слободской Украины. Важным источником в истории городка Куземин являются дневниковые записи шведов, участников похода Карла XII на территорию Украины. И если дневники шведских высших военачальников Густава Адлерфельда и Акселя Гилленкрока вскользь упоминают Куземин, то в записях фенрика Роберта Петре содержится ценная информация очевидца и человека, непосредственно бывавшего в городе. К этому же кругу источников можно отнести реестры казаков Куземинской сотни, составленные в середине XVII – XVIII вв.

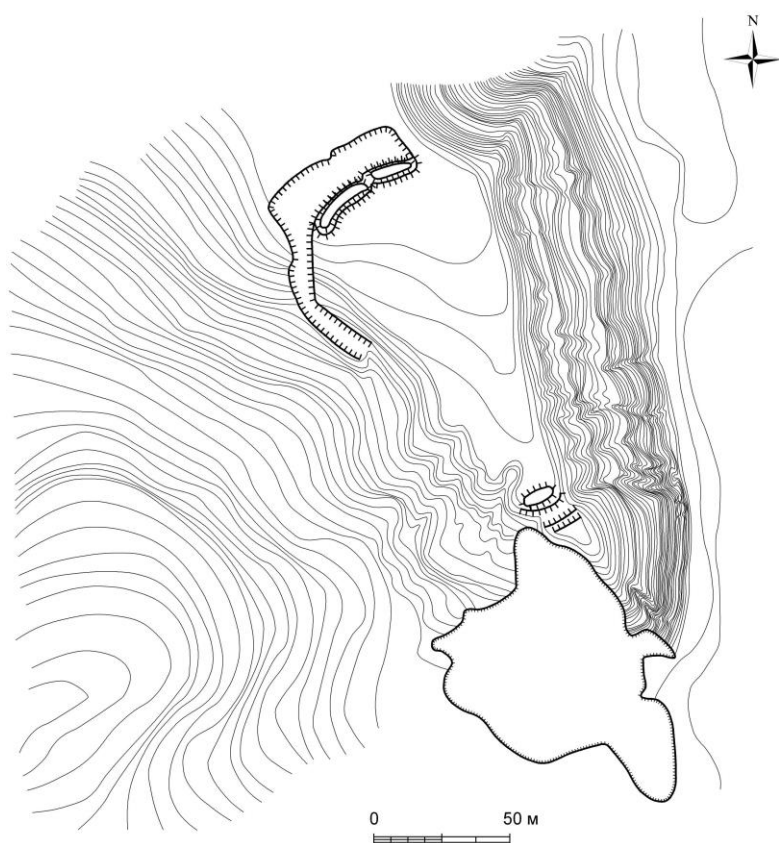

Рис. 1. Городище в урочище Замок. с. Куземин, Ахтырского района. План Е.Н. Осадчего и А.В. Корти.

Рис. 2. Фрагмент карты 1772 г. Риччи Заннони, где изображены населенные пункты среднего течения Ворсклы.

Наиболее многочисленны археологические источники. Городище в урочище Замок впервые было упомянуто в работах полтавского археолога Л. Падалки. Используя метод статистического сбора данных, он получил от двух корреспондентов из Куземина описания укреплений, находящихся в этом населённом пункте. «В м. Куземин Зеньковского уезда, который во второй половине 17 в. именовался городом, по сообщению землевлад. Г.П. Миняйлова, помимо общих с Бельском земляных твердынь, есть особый «Замок» на урочище «Подол», на котором не остановил внимание наш корреспондент, в виду преимущественного интереса огромных земляных сооружений, общих для м. Куземина и с. Бельска» [24, с. 193]. Другой автор писал, что «От Бельского «городища» тот же вал, который соединился с ним со стороны Лазьков, продолжается по направлению к х. Парасковеевке, Куземинской волости, и, не доходя до него, круто поворачивает к м. Куземин, а затем заканчивается у берега реки Ворскло опять небольшим сомкнутым укреплением, почему-то носящим в народе название «замок» и «замковая гора» [24, с. 195].

Исходя из данных, присланных местными жителями, можно понять, что небольшое городище в урочище Замок находилось «в тени» грандиозных укреплений Бельского городища. В.Г. Ляскоронский и Д.И. Багалеи не упоминают это городище, хотя остальные памятники археологии ими описаны довольно подробно.

Впервые городище в урочище Замок обследовал П.М. Третьяков в 1938 г. Исследователь отметил на задернованной поверхности городища прямоугольные заплывшие западины от жилищ-полуземлянок. Он же датировал памятник роменско-боршевским временем [36, с. 128-129]. В послевоенное время памятник обследовался Б.А. Шрамко. Городище вошло в каталог изданный И.И. Ляпушкиным, и датировано IX-X вв. [20, с. 70]. В 70-х годах XX в. в ходе разведок М.П. Кучерой и О.В. Сухобоковым было выявлено небольшое открытое поселение к северу от укреплений. О.В. Сухобоков датировал городище X-XIII вв., но возникновение укреплений относил к раннему железному веку [19, с. 169]. А.И. Журко осматривал городище в 1988 г. Он зафиксировал разрушение

южной части мыса глиняным карьером. Керамический материал в ходе осмотра выявлен не был. А.И. Журко, так же, как и О.В. Сухобоков, считал, что возникновение укреплений Замка относится к раннему железному веку и связано с Большим валом Бельского городища [17, с. 19].

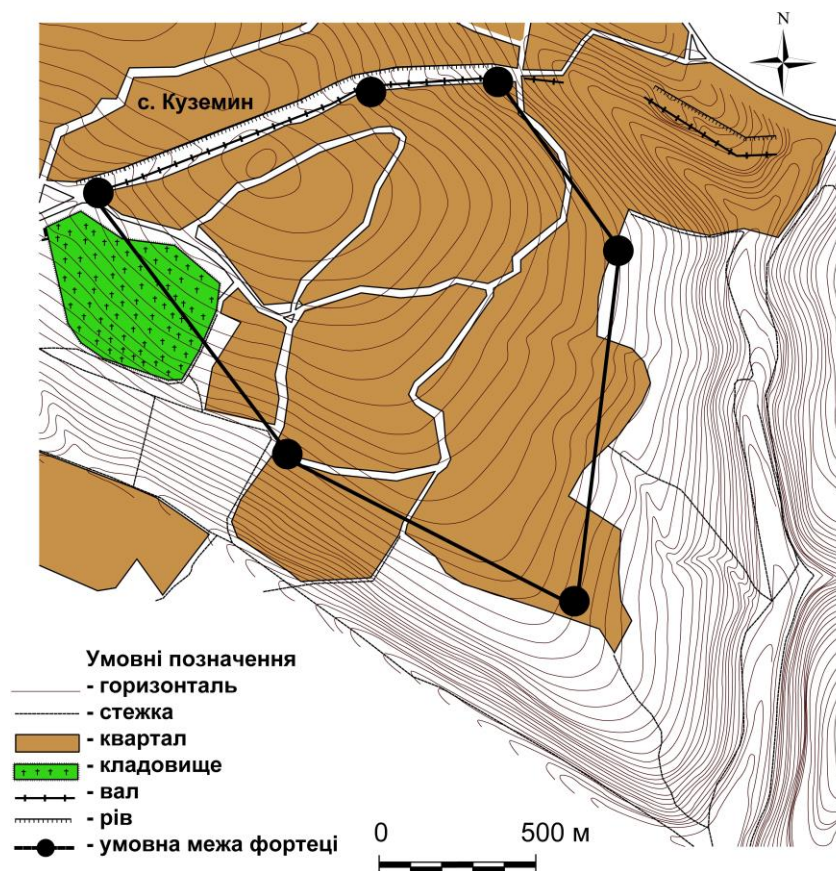

Рис. 3. План юго-восточной части села Куземин с нанесенными укреплениями Бельского городища и условной границей крепости.

Рис. 4. Зачистка повреждённой стенки вала Куземинского укрепления. Раскопки В.В. Приймака 2007 г.

В 1994 г. на территории городища провёл раскопки Б.А. Шрамко. Были исследованы хозяйственные ямы роменской археологической культуры. Тогда же проводились обмеры Куземинского укрепления, сделаны профили вала и рва [40].

В ходе подготовки областного тома «Свод памятников истории и культуры Украины. Сумская область» Ю.М. Берестом и автором был снят новый план городища Замок, на котором отображены укрепления на южной стрелке мыса. Было локализовано место расположения замка городка Куземина. С 2005 года городище ежегодно обследуется научными сотрудниками историко-культурного заповедника «Бельск» [31, с.11, 48, рис. 5; 29, с. 178].

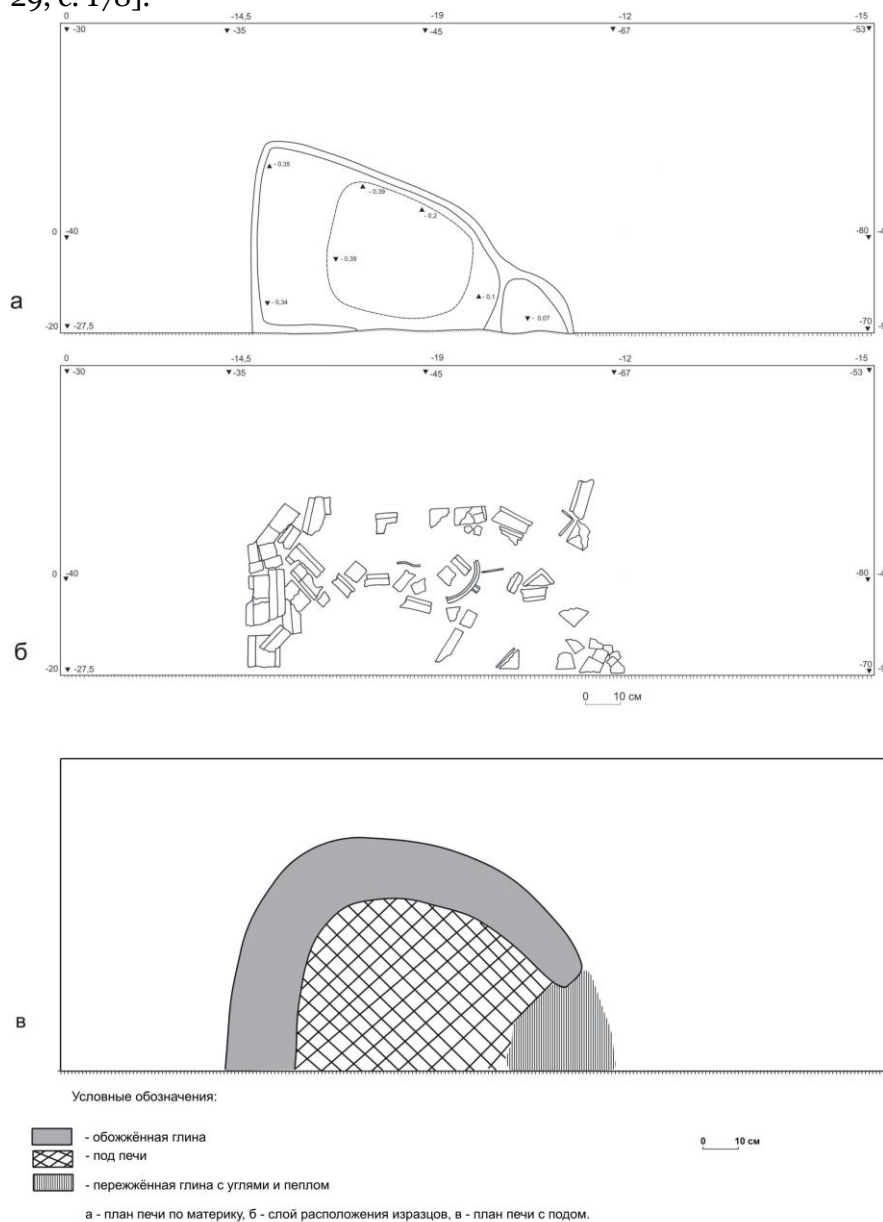

Рис. 5. План печи первой половины XVIII в. Раскопки Д.С. Гречка 2014 г.

Научная дискуссия, касающаяся наличия и функционального предназначения Куземинских укреплений стала поводом для возобновления археологических разведок на территории вокруг городища Замок [10, с. 116-123; 41, с. 84-86; 34 с. 102-104]. Разведки проводились экспедицией ИКЗ «Бельск» под руководством В.В. Приймака. Обследована территория восточной окраины села в урочище Подол, где в XVII-XVIII вв. располагались усадьбы жителей Куземина. В ходе работ был картографирован вал и ров раннего железного века и проведена зачистка повреждённой стенки вала. В его внутренней части обнаружен объект с материалами первой половины XVIII в. [32 с. 64-69] (рис. 6). В результате было доказано существование Куземинских укреплений, однако их датировка требовала

уточнения. Автором был сделан предварительный вывод о том, что городок Куземин в XVII в. имел укрепленный посад [21, с. 92].

Рис. 6. Материалы из раскопок печи. Фрагменты изразцов и горшков. Рисунок А.Н. Бондаря.

Летом 2014 г. археологическая экспедиция Института археологии НАН Украины (руководитель Д.С. Гречко) совместно с историко-культурным заповедником «Бельск» (директор И.И. Корост) и Сумским государственным педагогическим университетом (руководитель практики А.Н. Кравченко) провела раскопки вала и рва Куземинского укрепления на месте зачистки 2007 г. В результате были исследованы вал и ров, датируемые V в. до н.э. При этом следов более поздних фортификационных конструкций выявлено не было. Также исследована печь хозяйственного предназначения, врезанная во внутренний склон вала. Печь была построена с применением изразцов со следами вторичного использования (рис. 5). В результате археологических разведок, проведённых на территории Куземинского укрепления в урочище Подол, удалось выяснить, что эта часть была малозаселённой в XVII-XVIII вв. [13, с. 67-72]. Было установлено, что Куземинский вал не имеет отношения к укреплениям казацкого времени. В свою очередь обследованиями нескольких кварталов в южной части современного села Куземин в районе прохождения Большого вала зафиксировано значительное количество керамического материала казацкого времени.

В 2016 г. автором совместно с А.В. Коротей и Ю.М. Берестом проведены археологические разведки на территории села Куземин. Их целью было выявление и картографирование сохранившихся участков Большого вала, проходившего через населённый пункт. Тахеометрическая съёмка велась совместно со геодезистом «Сумского научно-исследовательского и проектного института землеустройства» П.И. Шило. В результате установлено, что вал скифского времени имеет хорошую сохранность на всём протяжении через село Куземин. Таким образом, исследована и картографирована часть

городских укреплений местечка Куземин. В районе глиняного карьера обнаружены остатки старой дороги, ведущей из поймы через вал к селу. В незастроенной части села между переулком Лебединским и улицей А. Суворова обнаружены хорошо сохранившиеся валообразные насыпи квадратной и прямоугольной формы – остатки усадеб.

В ходе работы со Специальной картой Украины Г.Л. де Боуплана 1650 г. выяснилось, что в нанесении двух населённых пунктов – Опошни и Куземина совершена ошибка, что позволило несколько удревить дату основания Куземина. На остальных картах XVIII в. Куземин обозначено условным знаком, обозначающим «*orridum*», т.е. город [6]. К сожалению, на сегодня автору неизвестны подробные планы этого населенного пункта XVIII в., поэтому реконструкция укреплений городка Куземин будет основываться на результатах анализа комплекса археологических и письменных источников.

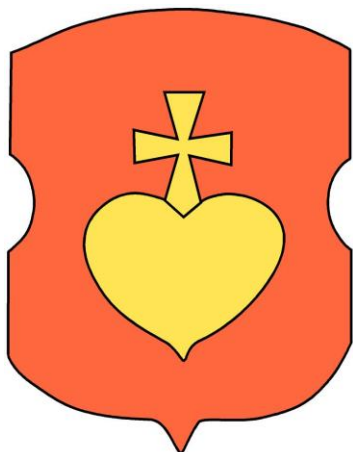

Рис. 7. Герб городка Куземин (по публикации В. Панченко).

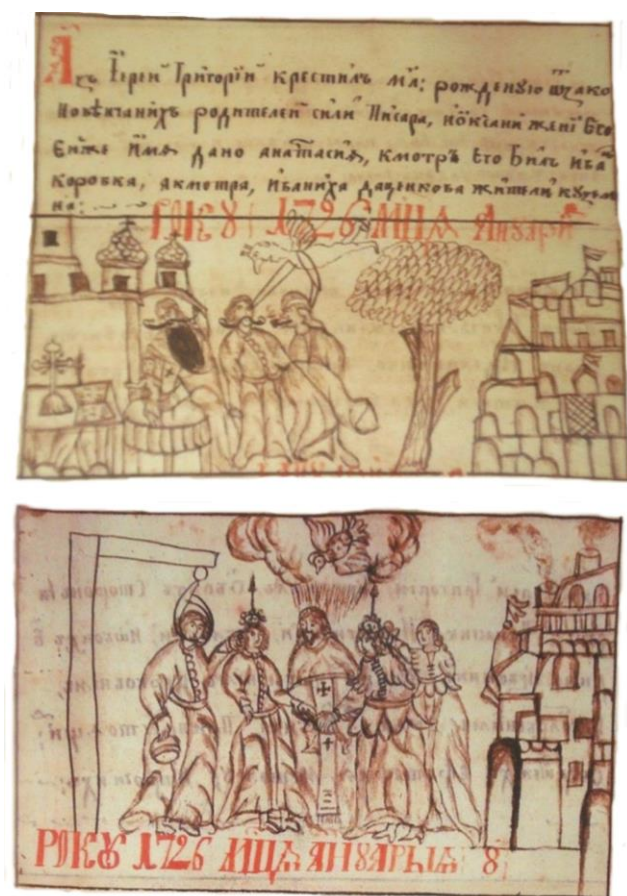

Рис. 8. Миниатюры из метрической книги городка Куземин (ЦДІА України).

Рис. 9. Миниатюра из метрической книги городка Куземин (ЦДІА України).

На карте 1772 г. Заннони Риччи «Karta granic Polski, y Russyi, zawieraiaca czesc poludniowa Ukrainy przeciag Dniepru, zaczawszu od Kiiowa, az do Samary» есть изображение укреплений населённого пункта Bielski, обозначенного как Ville Fermee т.е. город закрытый (укреплённый). Судя по тому, как расположены населённые пункты в среднем течении реки Ворскла можно сделать вывод о путанице при работе картографа с первоисточниками. Бесспорно то, что для изображения этой части Российской империи Заннони Риччи использовал более ранние карты, в частности Г.Л. де Боплана. Однако в его распоряжении имелись чертежи отдельных городов, исполненные довольно тщательно. Анализ изображения укреплений Бельска и места расположения Куземинской крепости говорит об их значительном сходстве в ориентации и конфигурации. Расположение Бельска рядом с массивом «Skulski G» (Скельские горы) позволяет с большой долей вероятности предположить, что изображение укреплений относится к Куземину, а не к Бельску.

Наиболее информативным картографическим источником, отражающим историю развития сотенного городка Куземин, можно считать Военно-топографическую карту Полтавской губернии 1863-1878 г. (масштаб 3 версты в 1 дюйме). В качестве дополнительного источника использован план села Куземин, составленный А.В. Коротей и автором на основе современной съёмки и ортофотоснимков высокого разрешения. Целью работ было нанесение всех известных археологических объектов на современную карту и реконструкция ландшафта в восточной части села, пострадавшей в результате функционирования глиняного карьера в 70-х годах XX в.

Графические источники представлены миниатюрами из архивного фонда, объединяющего метрические книги городка Куземин XVIII в. На иллюстрациях изображены церковь Пресвятой Троицы и, предположительно, городская ратуша.

Обсуждение и результаты

Первые укрепления на территории современного села Куземин появляются в раннем железном веке. В начале VI в. до н.э. на Средней Ворскле начинается строительство сложного фортификационного сооружения, известного как Бельское городище. Эта крепость включала две цитадели – Западное и Восточное укрепления, объединённые Большим валом. В северо-восточном углу Большого вала находится Куземинское укрепление – серповидный вал, идущий вниз по склону второй надпойменной террасы. Это городище некоторыми учёными отождествляется с городом Гелон, описанным Геродотом. Здесь, согласно автору «Истории», проживало одно из скифских племён – будины. «Будины – большое и многочисленное племя; у них светло-голубые глаза и рыжие волосы. В их земле находится деревянный город под названием Гелон. Каждая сторона городской стены длиной в 30 стадий. Городская стена высокая и вся деревянная» [11, с. 108]. На сегодня отождествление Бельского городища с городом Гелон, имеет как своих сторонников, так и противников. Не вдаваясь в подробности научной дискуссии о локализации Гелона, отметим, что Бельское городище на сегодня является крупнейшим фортификационным сооружением раннего железного века на территории Левобережной Украины.

В истории Куземина важную роль сыграли Куземинское укрепление и северо-восточная часть Большого вала. Они были построены одновременно, имели один строительный период, и более не восстанавливались. Это подтвердили исследования, проведённые В.В. Приймаком и А.В. Коротей, в месте, где Большой вал разрушен карьером [30, с. 10].

В начале III в. до н.э. Бельское городище переживает упадок. Население оставило эти укрепления, и они оставались не востребованными почти две тысячи лет. Большая протяжённость валов делала невозможной оборону такой крепости.

В начале X в. среднее Поворосклье было населено племенами северян. Союзы северянских племён на начальном этапе своего развития платили дань Хазарскому каганату и в принципе не нуждались в оборонных сооружениях. Появление первых скандинавских князей в Киеве привело к образованию нового сильного государства в Поднепровье. Киевские князья проводили агрессивную политику в отношении левобережных племён. После нескольких походов на территорию северян, радимичей и вятичей часть этих племён оказывается в сфере экономических и политических интересов киевских князей. С другой стороны, упадок Хазарского каганата привёл к тому, что в Степи появляются новые племена кочевников, осуществлявших регулярные нападения на славянские поселения. С изменением военно-политической обстановки в среде проживания северян появляются укрепленные поселения. Кардинально меняется выбор места проживания. Для основания новых крепостей выбираются мысы и останцы с крутыми, обрывистыми склонами и узкими перешейками, связывающими их с плато коренного берега. Эти площадки укреплялись широкими и глубокими рвами, склоны дополнительно эскарпировались.

Для нового поселения северянами был выбран длинный узкий мыс, отделённый от берегового плато оврагами. Крепость располагалась в его южной части. Этот участок сформирован обрывистым склоном правого берега Ворсклы с востока и длинным оврагом с запада. Узкий перешеек был перерезан рвом, за которым располагался вал с деревянной стеной. Протяжённость этой линии обороны составляет 45 м. Размеры площадки городища по данным тахеометрической съёмки 2015 г. составляют 136 x 45 x 11 м. Форма городища треугольная, мыс ориентирован по линии север-юг. Ров шириной до 20 м отрезает мыс от плато и проходит вниз по его западному склону. В южной части мыса выявлены укрепления в виде вала шириной 5 м и рва шириной 12 м. Площадка неровная, имеет уклон в южную сторону, перепад высоты составляет 4 м (рис. 1). О наличии укреплений по периметру городища пока данных нет, склоны мыса очень обрывистые и высокие, так что надобности в их дополнительном усилении не было. На поверхности зафиксированы остатки укреплений Второй мировой войны и западины казацкого периода [21, 188-189, 314, рис. 75].

С напольной стороны, сразу за линией обороны, располагалось небольшое открытое поселение. Его размеры составляют 128 x 45 м. В XII-XIII вв. это городище было центром небольшой сельской общины в составе Переяславского княжества. Жизнь на нём прекращается в середине XIII в., одновременно с гибелью большей части укрепленных поселений Средней Ворсклы в результате монгольского нашествия. Оставшееся население перешло в соседние населённые пункты, где выявлены предметы XIII-XIV вв. Это Глинск на Ворскле, Журавненский и Ницахский археологические комплексы.

После битвы на Ворскле 1399 г. территории среднего течения Ворсклы пустеют, здесь неизвестны укрепленные пункты, принадлежавшие Великому Княжеству Литовскому или Московскому княжеству.

В XIV-XV вв. территории Днепровского Левобережья входили в состав Киевского княжества, а позднее староства. Земли по Суле и Ворскле принадлежали князьям Глинским. В 1498 г. по акту разделения владений Глинских на Левобережье Григорию Глинскому досталась «...север Глинщина, и в Ворскле...» [26, с. 181]. Однако эти земли оставались незаселёнными. Здесь были уходы киевских, каневских и белоцерковских казаков. 1537 г. датируется грамота, данная Аграфеной Глинской на владение именем Глинщиной её зятю Михайлу Грибунову [14, с. 900].

Интерес к этой местности вновь начинает проявляться уже в начале XVII в. Территории около Бельского городища фигурируют в жалобе шляхтичей Проскуров на князей Вишневецких за самовольный захват земли и вываривание селитры из большого кургана Скоробор [35, с. 59-60]. В последующие десятилетия XVII в. на территории Бельского городища и вокруг него возникают многочисленные селитроварные мастерские, где варили селитру украинцы и евреи, выходцы из Речи Посполитой. Факты присутствия на Средней Ворскле украинских селитроваров фиксируются грамотами путивльских служилых людей [22, с. 86-98].

Эти земли в 1622 г. захватил князь Константин Вишневецкий. Его придворные отряды захватили «...вышъпомененные салетры около рекъ Хороля, Псла, Грани Великое и другое Грани Черкаское, и третее Грани Ташевское, и Грани Сухое, и теж около городишча Белского, и около рекъ Ворсъкла, Орели, Мерчика, Орчака и около рекъ Голтвъ, реки Сулы, и по инъшихъ всихъ диковизнахъ и поляхъ путивльскихъ, Белгородскихъ, около шляхов муравскихъ и на иншихъ местъцахъ по всей Украине там то будучые мощно и квалтомъ себе привлачил и до тыхъ часовъ тримаеть, доходы вси з тыхъ салетръ...» [4, с. 59].

В 1632 г. территория вокруг Бельского городища была пожалована польским королём Сигизмундом III скарбовому писарю Петру Мировицкому. «Извещаем этим листом нашим всех и каждого особо, кому о том знать надлежит, что мы, имея благосклонность и милостивое расположение к заслугам шляхетного Филона Петра Мировицкого, скарбового писаря нашего, который нам и Речи Посполитой много лет, не переставая, верно и преданно служил и далее служить не прекращает, ему и прямым наследникам его решили отдать по наследственному праву, ссылаясь на конституцию, установленную в отношении таких мероприятий, некоторые имения наши, находящиеся на Украине, в воеводстве Киевском, а именно, 2 пустых городища, называемые Глинск и Бельск, выше Полтавы, над рекою Ворсклою, за рекою Псел, возле кургана, называемого Скоробор, что нынешним листом по милости нашей даем и утверждаем» [3, с. 486].

После заключения Поляновского мира в 1634 г. между Речью Посполитой и Московским царством активно обсуждался вопрос о размежевании государственной границы. Ворсклинский участок границы начали межевать в конце 30-х годов XVII в. По документу 1637 г., описывающему участок границы Киевского и Черниговского воеводств с Путивльским уездом граница проходила от Скельского городища и в версте от Бельского городища пересекала реку Ворскла, а далее шла в направлении Мерлы [14, с. 908]. Таким образом, территория, на которой находилось старое древнерусское городище, оставалось на польской стороне. Для закрепления границы были сделаны копцы, вырезаны знаки на крупных деревьях и поставлены межевые камни. Один межевых камней стоял возле Куземинского городища до середины 70-х годов XX в.

Во время работы межгосударственной комиссии по размежеванию границы здесь работал французский военный инженер на службе польского короля Владислава IV Гийом Левассер де Боплан, автор одной из первых подробных карт Левобережной Украины.

На карту были нанесены мелкие реки, в частности Сухая и Черкасская Грунь, Хухра, лесные массивы и некоторые населённые пункты. На реке Ворскла, между впадением в неё рек Хухра и Котельва есть условный знак означающий «sloboda nova» [6]. Рядом подпись – «Oprocznisky», что в переводе означает Опошня [7, с. 298]. Здесь вкралась ошибка в подписи. Опошня, известный в то время укрепленный населённый пункт, находилась южнее, а на этом месте находится новый городок или слобода. Причина ошибки в том, что Г.Л. де Боплан работал в Поворосклье с пограничной комиссией, закончившей свою работу к 1644 г., когда был подписан договор между Речью Посполитой и Московским царством. Карта издана в 1650 г. Нанесение новых населённых пунктов происходило уже не на месте, а с использованием других источников.

В 1646 г. войско князя И. Вишневецкого захватило «способом гвалтовым и военным, слободы названные Гадяч, Пултава, Зикгмунтов, Соколя Гора, Кременчук, Подолки, Опочинское, Глинск, Лютенка, Зинков, Олесное, Ахтыр...» [4, с. 63]. Кроме польских городов в состав Вишневецчины вошли и территории Московского государства на Средней Ворскле. Был захвачен Лосицкий острог, находившийся на Белгородской засечной черте севернее Куземина [37, с. 55]. Административно эта территория принадлежала Переяславскому старосту Киевского воеводства.

Князь И. Вишневецкий был талантливым полководцем и администратором. По его инициативе строились новые замки и осаждались хутора. Для основания Куземинского замка было выбрано старое городище, находившееся на границе с Московским царством. Казаками были усилены его земляные укрепления. Расширен напольный ров, его западный угол, ранее плавно закруглявшийся, приобрёл правильные прямые очертания. В южной части была создана новая линия укреплений, придавшая треугольному городищу форму вытянутой трапеции. На вершине вала и по краю склона установили частокол. Въезд в замок располагался в восточной части напольных укреплений. Здесь вал отсутствует, а ров в этом месте не был засыпан, что говорит о расположении здесь ворот или деревянной башни. Необходимость постройки нового замка была продиктована тем, что согласно Варшавскому договору 1644 г. Речью Посполитой в 1647 г. состоялась передача Московскому царству части пограничных территорий. На этих землях располагались пограничные замки и городки. Среди прочих населённых пунктов в состав Московского царства вошла и Ахтырка – один из крупных замков на Средней Ворскле. После установления новой границы надо было построить укрепления. Куземинский замок располагался в версте от линии границы, приняв на себя функции Ахтырки.

В 1648 г. И. Вишневецкий теряет свои владения на Левобережной Украине. После начала восстания на Запорожье войска Б. Хмельницкого одержали несколько побед над коронным войском. Восставшие казаки и крестьяне захватывали магнатские имения, а их управляющие и администрация вынуждены были бежать.

Впервые в письменных источниках Куземин (Куземчин) упоминается в отписке вольненского воеводы Федора Арсеньева в Разрядный приказ в 1648 г. Речь идёт о факте кражи коней куземинскими казаками у вольновских служилых людей. В документе говорится о том, что литовский город Куземин управлялся урядником Тимофеем Лукорским. Сам урядник сбежал в Польшу с началом восстания под руководством Б. Хмельницкого, а в городе остался только подстароста [1, с. 222-223].

После Зборовского мира, подписанного 16 октября 1649 г., на территории городка Куземин формируется казацкая сотня, вошедшая в состав Полтавского полка. Здесь располагался военно-административный аппарат, управлявший сотней, военный гарнизон, состоявший из 49 реестровых казаков [33, с. 397]. Во главе сотни стоял Климент Клименкуц [18, с. 223]. С 1649 по 1654 г. Куземин входил в состав государственного образования Войско Запорожское. Расположение Куземина на самой границе нового государства давало возможность взимать торговые пошлины с проезжающих купцов. В школьном музее села Куземин находились монеты середины XVII в. чеканки Речи Посполитой, Молдавского княжества, шведских владений в Прибалтике, Московского царства, найденные на территории села.

С 1648 по 1654 г. казаки куземинской сотни принимали активное участие в боевых действиях с польскими и литовскими войсками. В 1649 г. вольненский воевода Федор Арсеньев доносил в Разрядный приказ, что по расспросам казаков и старшин в случае

поражения войска Богдана Хмельницкого и возвращения польских панов они собираются вместе с семьями бежать в Вольный и принять московское подданство [9, с. 178-179]. В 1652 г. конный отряд казаков куземинской сотни с припасами и вооружением отбыл в Чигирин к Б. Хмельницкому [1, с. 303].

С уходом польской администрации куземинские казаки активно осваивают территории вокруг города. В «Росписи литовским пасакам, которые построены в Олешинском уезде по реке по Ворсклу и по речкам Мошне и по Хухру», датированной 1651 г. указывается, что новопоселённые казаки построили несколько пасек между Скельскими горами и рекой Хухра и проживают там [9, с. 138-139]. В 1652 г. сами куземинцы пострадали от конокрадов из Ницахи. Вместе с жителями Черкасской Груни они жаловались вольненскому воеводе на произвол жителей московской слободы Ницаха, что располагалась на землях Вольненского уезда [1, с. 289].

В это время активно заселяется территория вокруг замка. Рельеф в этом месте очень сложный. Вторая надпойменная терраса практически полностью уничтожена оврагами и балками. Небольшие ровные места, удобные для проживания были застроены отдельными усадьбами. Таким образом, в середине XVII в. городок Куземин состоял из небольшого замка, располагавшегося на горе, а вокруг были разбросаны отдельные усадьбы казаков (рис. 3).

Разруха и война стали причиной вспышки морового поветрия на Левобережной Украине. В связи с этим торговые связи между казацкими городами временно прекратились. В 1652 г. вольненский воевода посылал людей с приказом выяснить, есть ли чума в приграничных городках, и какие вести приходят с Украины. Прибывшие служилые люди доносили, что на Левобережье свирепствует чума, но в Котельве, Груни Черкасской и Куземине мора нет [1, с. 292].

В 1652 г. казаки из приграничных городов сообщали вольненским станичникам, что к Полтаве, Хотмышску и Вольному идёт орда ногайских татар. Полтавский полковник Мартын Пушкарь получил от Б. Хмельницкого указания, о том, что если татары союзники казаков, то пропускать через кордоны, если нет – жить на осадном положении и крепости запереть. Этот приказ касался и жителей города Куземин [1, с. 292-293].

После поражения под Берестечком казацкая армия остро нуждалась в боеприпасах, порохе, конях и вооружении. Левобережные полки, практически не пострадавшие от войны имели хорошие запасы оружия и продовольствия, полученные в ходе кампаний 1648-1651 гг. Часто излишек этого они продавали в соседние московские городки. Также участились случаи дезертирства и переселения казаков с семьями в московские приграничные уезды. Для предотвращения этого в 1653 г. Б. Хмельницкий издаёт указ, запрещающий продажу военной амуниции, коней и вооружения выходцам из Московского царства. Указом предписывалось в порубежных городах ставить пикеты и караулы. Лица, уличённые в незаконной торговле, подвергались наказанию вплоть до смертной казни, а их имущество конфисковывалось в гетманскую казну [1, с. 343]. Такие меры должны были замедлить массовое переселение казаков, начавшееся после поражения казацких войск под Берестечком.

Параллельно с этим Б. Хмельницкий вёл переговоры с московским царём Алексеем Михайловичем о заключении военно-политического союза. Осенью 1653 г. Земский собор дал согласие на подписание договора с Войском Запорожским. Зимой 1654 г. на раде Переяславе Б. Хмельницкий объявил об этом и просил старшин поддержать подписание договора. Для приведения к присяге жителей украинских городов отправляются московские дворяне. В Куземине присягу казацкой сотни принимал дворянин Денис Тургенев [2, с. 517-518]. По реестровым спискам в сотенном городе Полтавского полка Куземине присягу приняли сотник, есаул, атаман, 2 писаря, войт и 115 казаков [2, с. 540]. Таким образом, за пять лет существования куземинской сотни число реестровых казаков увеличилось более чем вдвое.

После Переяславской рады ситуация в приграничных областях Московского царства кардинально меняется. Граница между Войском Запорожским и Московским царством оказалась открытой, а воеводы пограничных городов получили указания следить за процессом переселения и расселять новопривывших в местах, важных для защиты юго-

западной границы. В уже существующих городках начинают формироваться посады и сельскохозяйственная округа, появляются сёла и хутора.

Во второй половине XVII в. город Куземин уже состоит из трёх частей – замка, подола и посада, который возникает на коренном берегу Ворсклы в северной части укреплений Бельского городища. Для поселения казаки выбрали мыс треугольной формы, имевший природные и рукотворные границы. Эта часть Куземина со временем станет центром города. С севера город ограничивали укрепления Большого вала Бельского городища. Высота земляных валов составляла 3-3,5 м без учёта глубины рва. Восточная и южная части нового поселения защищались обводненными балками. С востока дополнительно город защищал Большой вал. По периметру города была построена деревянная стена. Его размеры составляли ориентировочно 760 x 400 м. По изображению на карте 1772 г. Куземинская крепость имела форму близкую к неправильному ромбу (рис. 2).

Наличие замка, старых укреплений и природных препятствий облегчало задачу обороняющимся казакам в случае нападения татар. Однако при нападении отрядов регулярной армии с пехотой и артиллерией оборонять такой протяжённый участок вала силами 115 казаков было невозможно. И, тем не менее, именно эта часть населённого пункта стала активно развиваться и именоваться городом. Тут находилась ратуша, в которой находился войт и выборные, город имел свою печать и герб. К этому времени можно предположительно отнести и строительство первой церкви в Куземине – храма в честь Покрова Пресвятой Богородицы. Она находилась на возвышенности края правого берега р. Ворскла, между кварталами нового города и замком, то есть находилась в центре заселённой части Куземина.

Старшине и казакам города принадлежали земли, располагавшиеся вокруг. Это были преимущественно лесные массивы и пойменные луга. Эта территория граничила с владениями новопостроенного города Ахтырка, Котельвой и Черкасской Грунью.

В середине XVII в. на старом Скульском городище был основан мужской скит, в последствии ставший Скульским Преображенским монастырём. Эта обитель, сначала немногочисленная, быстро развивалась за счёт пожертвований из окрестных сёл и городов. Первое упоминание о ските относится к 1653 г., когда из Груни в Вольный пришёл священник и просил денег на церковное строительство. Они и несколько монахов были выходцами из разорённого войной монастыря в честь Архистратига Михаила возле Изяславля [1, с. 322]. С этим периодом существования монастыря связаны пещеры, выявленные В.В. Приймаком и А.В. Коротей на Скульском городище [30, с. 6]. Вероятно, что в первые годы своего существования Скульский монастырь был пещерным скитом с небольшим количеством иноков.

После возникновения новых населённых пунктов на Средней Ворскле начинает формироваться инфраструктура региона. В частности развиваются сухопутные пути сообщения, строятся новые мосты и переправы. Куземин оказался в месте, где сходились дороги из Котельвы, Ахтырки, Зинькова. Южнее городка существовал брод через Ворсклу. Это делало Куземин важным пунктом в военном отношении.

В 1658 г. украинский гетман Иван Выговский поднимает вооружённое восстание против присутствия московских гарнизонов в украинских городах. Его целью было создание федеративного государства Украины, Польши и Литвы. Войска гетмана и союзные ему татары быстро продвинулись по территории Левобережной Украины, где его поддерживали местные старшины и зажиточное казачество. Однако на территории Слобожанщины настроения местного населения были прямо противоположными. Местная старшина, получившая значительные земельные наделы вокруг новых городов, не собиралась их терять в угоду политическим предпочтениям нового гетмана. Небольшие городки с гарнизонами из казаков и московских служилых людей оказывали сопротивление, а сельское население разбегалось из-за опасности оказаться в татарском плену.

В 1659 г. к ахтырскому воеводе Максиму Телегину обратились старшины городков Черкасская Грунь, Котельва и Куземин с просьбой организовать оборону от армии И. Выговского. По приказу воеводы вокруг этих городков были устроены дозорные пикеты, а сами крепости переведены на осадное положение.

В 1659 г. в районе Котельва – Грунь – Куземин располагался Третий Козловский солдатский полк нового строя под командованием Ягана Краферта, а также отряд груньских

стрельцов Клементия Иевлева. В марте 1659 г. около Куземина и Груни произошли несколько стычек между украинско-татарскими войсками и защитниками городков. В результате отряды И. Выговского были отброшены, а многие татары попали в плен, о чём доносил царю белгородский воевода Лев Ляпунов [1, с. 656; 8, с. 5-6].

В 1660 г. в битве под Чудновом поляки в союзе с татарами нанесли поражение московской армии под командованием боярина Василия Шереметьева. Власть московского царя уже не распространялась на Правобережную Украину. Часть левобережных старшин также заняли антимосковскую позицию. На Левобережье был послан Г. Гуляницкий во главе пяти казацких полков. Полтавский полк, в состав которого входила куземинская сотня, принял сторону гетмана Юрия Хмельницкого. В 1661 г. около Куземина появляется отряд украинских казаков с Правобережья численностью 1000 человек под командованием чигиринского полковника Сацка Пушкели и 2000 конных казаков из Опошни. Их целью было нападение на московские порубежные городки. Куземинские казаки присоединилась к ним. Этот отряд двинулся на Грунь, а часть войск отправилась вверх по течению Ворсклы и переправилась у Журавной Поляны, отрезав, таким образом, Грунь от Ахтырки. Для обороны Груни князем Ромодановским были направлены казацкие отряды трёх полков – миргородского, лубенского и гадячского. 19 мая 1661 г. под Черкасской Грунью состоялся бой, где казаки и московское войско под командованием стряпчего Михаила Косагова одержало победу над сторонниками Юрия Хмельницкого [2, с. 371-372]. Полковник С. Пушкеля, находившийся в это время в Куземине, спешно бежал в Полтаву. В донесении о бегстве полковника С. Пушкели есть упоминание о городских укреплениях: «Куземин город из полку Пушкеля весь побили, и знамёна и литавры взяли, а Пушкель убежал сам-четверть через городовую стену» [16, л. 37]. Вскоре полтавский полк принял присягу московскому царю и боевые действия прекратились.

С 1667 г. Левобережная Украина окончательно вошла в состав Московского царства. Экономика левобережных полков переживает быстрый подъём. Сюда переселяются казаки с Правобережья, активно осваиваются природные ресурсы. О зажиточности казаков Куземина опосредованно свидетельствуют пожертвования на Преображенский Скельский монастырь. Обитатели были завещаны пасеки и мельницы на реках Хухре и Ворскле, окрестные леса и пастбища. Большие доходы получали местные казаки от рыбной ловли по сагам и затонам Ворсклы. После выборов гетман Иван Брюховецкий поехал в Москву для подписания дополнительных статей. В статьях гетмана поданных им по прибытию в Москву в пункте 4 значится: «Чтобы вся волость Гадицкая была при булаве как за Гетмана Богдана Хмельницкого было, а в волости Гадицкой городы обретаются Котелва, Опошня, Куземин, Грунь Черкасская, Зинков, Лютинка, Верпик, Рашевка, Камишная, Ковалёвка, Бурок и чтоб оные все с мельницами, с сёлами, с полями и с иными угоды к ним принадлежащими шли на булаву Гетманскую» [15, с. 9].

С 1662 г. Куземин входит в состав Зиньковского казацкого полка, а со времени его расформирования в 1672 г. – в состав Гадячского. Население городка во второй половине XVII в. значительно выросло. К северу от Большого вала Бельского городища возникает пригород. Он не имеет укреплений, и расположен вплотную к первоначальным городским кварталам. Складывается структура населённого пункта, типичная для казацких городков – небольшой земляной замок, вокруг которого расположен подол, а рядом городские кварталы в пределах Большого вала Бельского городища и пригород, расположенный севернее. В это время сосуществуют две градостроительные формы. Первая – замок и подол. Она возникает в середине XVII в. и типична для украинских приграничных городков. Вторая форма – город и пригород является следующим шагом в их развитии. Со временем она будет развиваться, а более архаичные – замок и подол постепенно оставлены жителями.

Пригород ограничивала дорога, шедшая от переправы через реку Ворскла к замку. Затем она поворачивала вверх, к коренному берегу. В этом месте дорога прорезает Куземинские укрепления. Потом идёт подъём на правый берег Ворсклы. Сохранилась раскопанная часть вала в месте, где дорога поднимается от поймы к коренному берегу. Здесь проходит участок Большого вала, где отсутствует ров. Далее часть дороги разрушена карьером в 70-х годах XX в. От карьера дорога сохранилась в виде глубокого каньона шириной 6 м. Она вела от вала к глубокой балке, шедшей параллельно с Большим валом. Поднявшись по склону горы, дорога огибала пригород с севера и запада и поворачивала к

селу Бельск. Часть дороги это современная улица Бельская в селе Куземин. Таким образом, учитывая рельеф местности и инфраструктуру казацкого времени можно с большой степенью вероятности вычислить размеры заселённой части города Куземин. Кварталы города и пригорода по форме были близки к прямоугольнику, углами ориентированному по сторонам света размером около 1 x 1,3 км. По диагонали его пересекает вал Большого городища, отделяющий город от пригорода. В валу были пробиты проезды Зеньковским шляхом и дорогой от переправы через Ворсклу. В западной части города Куземин Большой вал Бельского городища имеет разрыв, образованный пересечением трёх улиц. Тут сформировалась треугольная площадь, в центре которой находился Свято-Троицкий храм. Южнее церкви располагалось кладбище, обнесённое валом высотой почти 2 м.

Сам город – укрепление ромбовидной формы со скошенной верхней вершиной. В западной части города нет естественных природных препятствий. Здесь не сохранились остатки старых укреплений. Южная и восточная стороны ограничивались склонами балок, дополнительно усиленных деревянными укреплениями. На карте Заннони Риччи 1772 г. изображены 6 полукруглых выступов, на которых располагались башни. Две из них были проездными. Характер деревянных укреплений в письменных источниках не упоминается. При картографировании северного участка Большого вала на его вершущке обнаружена канавка шириной 2 м. Возможно, она осталась от частокола, установленного надо рвом (рис. 3).

По дну балок текли небольшие ручьи с болотистой поймой. С севера крепость защищалась старыми укреплениями раннего железного века. Вал в этом месте имеет высоту 2 м, а ров глубину до 3,5 м. Высота от дна рва до вершины вала в некоторых местах достигает до 6 м. Крутые склоны рва были серьёзным препятствием для пешего ратника и непреодолимым для всадника. Ширина рва колеблется от 15 до 20 м.

Большим испытанием для населения Слобожанщины стала зимняя кампания 1708-1709 гг. Северная война, длившаяся уже несколько лет, пришла на территорию Левобережной Украины. Осенью войска шведского короля Карла XII и его союзника гетмана Мазепы овладели несколькими крепостями неподалёку от Куземина. На этом успехи шведского короля Карла XII закончились.

Зимой 1708-1709 гг. шведская армия совершила несколько манёвров с целью овладеть если не стратегическим, то хотя бы тактическим преимуществом. В январе 1709 г. шведы предприняли попытку овладеть одним из крупных укреплённых пунктов региона – Ахтыркой. После взятия Веприка король Карл XII расположился со штабом в Зинькове. Здесь он получил известие о том, что несколько городов, предназначенных для квартирования войск, в том числе и Куземин, были заняты российскими драгунскими полками [12, с. 284]. В Куземин по приказу короля направилась артиллерия генерал-майора Карла-Густава Крузе. Сюда был определён на квартиры Гельсигландский полк под командованием генерал-майора Крейца [43, с. 106]. Части пехоты, шедшей из Котельвы переправилась через Ворсклу, и заняли Куземин. Король приказал остальным войскам и кавалерии немедленно выступить из Зенькова и занять Котельву, Куземин и Грунь.

При подходе значительных сил шведской армии русские драгуны без боя отступили в Ахтырку, а местное население покинуло город. Перед уходом местными жителями в домах были повреждены печи, выбиты двери и окна. Шведский фенрик Роберт Петре очень живописно повествует о вступлении Гельсигландского полка в Куземин. Шведам пришлось долго искать дом, пригодный для жилья. Солдаты в шутку называли новый 1709 г. «безпечным» из-за разрушения большинства печей в городе. Примечательна запись от 5 февраля 1709 г.: «Кавалеристы хоронили своего подполковника, прозванного Денежным мешком» [28, с. 122]. Она дополняет упоминание в дневнике Г. Адлерфельда о нападении отряда калмыков на шведов около Куземина в феврале 1709 г. Атака была отбита несколькими пехотными отрядами, наспех собранными для обороны [43, с. 106].

Зима 1709 г. выдалась суровой, к тому же шведы после поражения отряда генерала Левенгаупта испытывали постоянную нехватку продовольствия и фуража. Очень сильно вредили армии нападения казаков регулярной армии и окрестных жителей. При этом довольно оптимистичный тон дневников Г. Адлерфельда и А. Гилленкрока о положении шведской армии несколько уравнивают записи Роберта Петре. Факт дезертирства с поля боя ротмистра Нандельштадта свидетельствует о том, что среди шведов присутствовали упаднические настроения вплоть до паники [28, с. 122]. По указанию

командования шведские кавалеристы водили поить лошадей к реке несколькими отрядами. Небольшие группы коноводов нередко становились объектом нападения казаков и калмыков [42, с. 348]. Целью нападения калмыков были лошади. Опытные наездники калмыки часто из-под носа шведов уводили целые табуны лошадей. За месяц пребывания в Куземине шведы несколько раз отбивали атаки казацких разъездов.

9 февраля 1709 г. шведская армия вышла из Куземина в направлении Хухры. Перед уходом по приказу генерал-майора Крейца город и пригород, а также окрестные сёла были сожжены. Из Ахтырки А. Меньшиков докладывал Петру I о массовых разрушениях городов и сёл при отступлении шведов [27, с. 90, 98].

Шведский фенрик Роберт Петре оставил одно из наиболее ранних описаний Куземина. В 1709 г. этот населённый пункт мог вместить целый полк и артиллерию. Он состоял из города с пригородами. В дневнике нет упоминаний об укреплениях замка. Может быть, ко времени Северной войны он не представлял военной ценности или был в полуразрушенном состоянии. Нет упоминаний и о городских укреплениях.

После ухода шведских войск Куземин представлял собой полностью разрушенный город. Вернувшееся население постепенно восстанавливает свои усадьбы. Город имел своё самоуправление. Сохранилась печать куземинской ратуши, датированная 1725 г. Печать представляла собой изображение заокругленного геральдического щита. В центре на красном фоне изображено сердце с кавалерским крестом. Под ней аббревиатура П.Г.Г.К. – печать городская города Куземин [25, с. 22-23] (рис. 7). Сотниками в Куземине в это время были Василий Павловский и Михаил Семенов [18, с. 297].

Постепенно сформировался облик городка Куземин, близкий к современному. Это единая квартальная застройка, по форме близкая к квадрату. Кварталы иррегулярной формы, улицы сформированы границами усадеб. Город по диагонали разделён валом, однако теперь это сооружение не имело военной ценности. А. Шафонский в описании Куземина упоминает расплывшийся вал, но пока локализовать его местоположение не удалось [39, с. 643]. Вероятно, учёный застал целыми те валы, которые окружали по периметру крепость городка. Полностью исчезли укрепления на замке. Теперь основная часть населения проживала в городских кварталах.

Сократилась площадь подола. Здесь остались одиночные усадьбы, занимающие останцы и склоны второй надпойменной террасы. В этом месте была исследована печь, построенная в валу Куземинского укрепления. При её строительстве были использованы изразцы бывшие в употреблении. Анализ рисунков и керамического теста свидетельствует о том, что были разобраны как минимум три печи. Внутри неё найден разбитый светлоглиняный горшок середины XVIII в., а изразцы имеют рисунок более характерный для начала столетия. Это может объясняться тем, что после сожжения зимой 1709 г. деревянных строений города остались печи с дымоходами. Они активно разбирались местным населением, в том числе и для хозяйственных построек. Печь была вынесена за пределы усадьбы. Она эксплуатировалась достаточно долго, о чём свидетельствуют два строительных периода. Температура в печи была невысокой, но огонь горел постоянно [13, с. 67-71]. Эта печь, скорее всего, была частью небольшой винокурной мастерской. На это указывает отсутствие культурного слоя рядом с печью. Право беспощинного винокурения давалось царскими грамотами населению Слободжанщины в качестве компенсации за потери в войнах второй половины XVII – начала XVIII вв. О зажиточности куземинских казаков накануне зимней кампании 1708-1709 гг. также свидетельствуют печные изразцы. Некоторые украшали карнизы больших печей, а несколько фрагментов принадлежали печи с камином (рис. 6).

В 1762 г. был расформирован Гадячский казацкий полк и Куземин вошёл в состав Черниговского наместничества. По описанию города конца XVIII в. в городе было две церкви. Сегодня оба храма разрушены. Первый располагался в северо-западной части городка, около дороги, ведущей в Зеньков. Это Свято-Троицкая церковь. Второй – в восточной части, на краю берегового склона. Здесь располагалась церковь Покровы Пресвятой Богородицы. При строительстве новой улицы ведущей от моста через Ворсклу к центру села было разрушено приходское кладбище XVII-XVIII вв. В конце XVIII в. в Куземине была ратуша, 350 казацких дворов и две церкви – Покровской и Пресвятой Троицы [39, с. 642-643].

Описание Покровской церкви можно найти в романе «Скелька» поэта-уроженца м. Куземин Ивана Багряного [5, с. 3].

«Біленькі хати цвітом залило,
По під горою ж, наче бемське скло,
Блищить вода,
А далі, мов сулія,
Поставлена на сизому шпилі,
Там, де ліси і замчище здорове,
Де дух великий, а діла малі,
Мигає маківкою, ніби на столі,
На спині гір Куземинська Покрова».

Изображение церкви Пресвятой Троицы сохранилось на миниатюре из метрической книги первой половины XVIII в. местечка Куземин [38]. Деревянный храм изображён частично, видна его половина. Скорее всего, это был деревянный трёхкупольный храм. Рядом находится колокольня. На другой миниатюре из этой же книги есть изображение большого деревянного здания с черепичной крышей и дымоходами. Здание имело два или три яруса. Можно предположить, что это ратуша.

Расположение Куземина на берегу Ворсклы в районе больших лесных массивов стало причиной того, что у его жителей было мало пахотной земли. Развитие получили ремёсла, связанные с деревообработкой. Куземинскими бондарями в больших количествах изготавливались телеги, колёса, деревянная посуда. Куземин, наряду с Опошной, был одним из центров гончарного производства на Левобережной Украине. Здесь производились посуда, изразцы, черепица, продававшиеся на ярмарках Украины и России. Часть населения занималась винокурением, что подтверждается археологическими данными. Куземинские жители имели мельницы на Ворскле от города до Скельского монастыря. На территории Бельского городища существовали селитроварные мастерские. Это мастерские на Западном городище и в урочище Скоробор. Часть казаков работали на этом производстве. В самом городке работал один селитроварный завод [23, с. 72].

Во время картографирования северной части Большого вала Бельского городища были зафиксированы особенности устройства усадеб в той части Куземина, где раньше находились городские кварталы. Каждая усадьба обносилась невысокой валообразной насыпью высотой до 1 м. Иногда с внешней стороны прокапывался ровик. Такие усадьбы сохранились в северо-восточной части современного села. Сейчас там нет застройки, что позволило сохраниться этим насыпям. Усадьба имела вид прямоугольника с длиной стороны 8, 10 или 15 м. Они располагались на расстоянии нескольких десятков метров друг от друга.

Заключение

Таким образом, в истории городка Куземин можно выделить несколько этапов. Первый связан со строительством грандиозного Бельского городища скифским населением. Затем небольшую крепость на отдельной горе построили северяне. Эта крепость стала укреплением небольшой сельской общины в древнерусское время. Затем наступил длительный перерыв, когда на Средней Ворскле не было стационарных укрепленных поселений. В середине XVII в. казаками был построен небольшой замок на месте бывшего древнерусского городища. Во второй половине XVII в. Куземин развивается, начинают формироваться городские кварталы, появляется ратуша, в городе сформирована казацкая сотня. Город Куземин в начале XVIII в. был сожжён шведами во время Северной войны, но быстро отстроился. В середине столетия исторический центр сместился от замка на плато правого берега Ворсклы, где располагались церкви, здания местного самоуправления, жилые кварталы.

Примечания

1. Акты Московского государства, изданные Императорскою Академией наук. Том 2. Разрядный приказ. Московский стол. 1635-1659. СПб: изд. Типография Императорской Академии наук, 1894. 773 с.

2. Акты Московского государства, изданные Императорскою Академией наук [ред. Д.Я. Самоквасов]. Том 3. Разрядный приказ. Московский стол. 1660-1664. СПб: типография Императорской Академии наук, 1901. 674 с.
3. Архив Юго-Западной России, издаваемый временною комиссією для разбора древних актов высочайше учрежденною при Киевском Военном, Подольском и Волынском Генерал-Губернаторе. Киев: в типографии Киевскаго Губернскаго Управления. Часть 6. Том I. Приложение: Акты об экономических и юридических отношениях крестьян в XVI-XVIII веке (1498-1795). 1876. 795 с.
4. Астряб М.Г. Старая Полтавщина и столетняя тяжба Марковичей со Свечками и Пасютами. (1720-1827 гг.) // Труды Полтавской Ученой Архивной Комиссии. Издано под редакцией действительных членов комиссии: И.Ф. Павловского, А.Ф. Мальцева, Л.В. Падалки и В.А. Пархоменко. Выпуск восьмой. Полтава: Электрическая типография Г.И. Маркевича, Панский ряд, 1912. С. 49-193.
5. Багрянний І. Скелька. Роман. Харків. Книгоспілка, 1930. 154 с.
6. Боплан Г.Л. де. Опис України, кількох провінцій Королівства Польського, що тягнуться від кордонів Московії до границь Трансільванії, разом з їхніми звичаями, способом життя та веденням воєн. Гійом Левассер де Боплан. Опис України... Проспер Меріме. Українські козаки. Богдан Хмельницький. К.: Наукова думка, 1990. С. 17-114, карта.
7. Вавричин М., Голько О. Показчик назв об'єктів на Спеціальній карті Г. Боплана 1650 г. // Картографія та історія України. Збірник наукових праць. Львів: вид Інституту джерелознавства НАН України, 2000. С. 258-330.
8. Веселовский С.Б. Сметы военных сил Московского государства 1661-1663 гг. // Чтения в Обществе истории и древностей российских. Кн. 3, 1911. С. 4-54.
9. Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы в трёх томах. Том 3. 1651-1654 годы. М.: Изд. АН СССР, 1953. 646 с.
10. Гавриш П.Я. Куземинське укріплення в Більському городищі // Археологія, 2003. № 4. С. 116-123.
11. Геродот. Истории в девяти книгах. Л.: Наука, 1972. 600 с.
12. Гиленкрок А. Сказание о выступлении его величества короля Карла XII из Саксонии и о том, что во время похода к Полтаве, при её осаде и после случилось // Полтавська битва 1709 року погляд крізь призму трьох століть. Полтава: ТОВ «AGMI», 2009. С. 256-297.
13. Гречко Д.С., Кравченко О.М., Осадчий Є.М., Приймак В.В. Матеріали козацького часу з посаду сотенного містечка Куземин // // Козацькі старожитності Лівобережжя Дніпра XV-XVIII ст. Збірник матеріалів міжрегіональних археологічних читань (Охтирка, 19-20 жовтня 2015 р.). Суми: СумДУ, 2015. С.67-72.
14. Дворцовые разряды, высочайшему повелению изданные II отделением собственной, Его Императорского Величества канцелярии. Том второй (с 1628 по 1645 г.). СПб, 1852. 496 с.
15. Источники малороссийской истории, собранные Д.Н. Бантыш-Каменским. Ч. I. 1649-1687. М.: В университетской типографии, 1858. 339 с.
16. Институт рукописи Национальной библиотеки имени В.И. Вернадского. Д. 15401-15424. Столбцы Белгородского стола. 1667. 1662. 1660. 1664. 911 л.
17. Журко А.И. Отчёт об археологических раскопках поселений черняховской культуры у пгт. Краснополье, с. Великий Бобрык и разведках в Сумской обл. в 1988 г. // НА ІА НАНУ. 1988/123. 22 с. + 68 рис.
18. Кривошея В.В. Козацька еліта Гетьманщини. К.: ІП Інд ім. І.Ф. Кураса НАН України, 2008. 452 с.
19. Кучера М.П. Сухобоков О.В., Беляева С.А. Древнерусские поселения Среднего Поднепровья (археологическая карта). К.: Наукова думка, 1984. 196 с.
20. Ляпушкин И.И. Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства (VIII – первая половина IX века). Историко-археологические очерки. МИА № 152. Л.: Наука, 1968. 186 с.
21. Осадчий Є.М. Пам'ятки військової історії Північно-Східної Слобожанщини XVII ст. Суми: Джерело, 2011. 238 с., 103 іл.

22. Осадчий Є.М. Селітроварні комплекси Середньої Ворскли (матеріали до “Зводу пам’яток історії та культури України. Сумська обл.”) // Козацькі старожитності Лівобережжя Дніпра XV-XVIII ст. Збірник матеріалів I Міжрегіональних археологічних читань. Суми: Сумський державний університет, 2015. С. 86-98.

23. Описи Лівобережної України кінця XVIII – початку XIX ст. К.: Наукова думка, 1997. 325 с.

24. Падалка Л. О древних городках и насыпных валах на территории нынешней полтавской губернии // Труды Полтавской Ученой Архивной Комиссии. Издано под редакцией действительных членов комиссии: В.И. Василенка, Л.В. Падалки и И. Фр. Павловского. Выпуск первый. Полтава: Электрическая Типо-литография П.А. Дохмана, Александровская улица, 1905. С. 155-214.

25. Панченко В. Миська геральдика Зіньківщини: [Зіньків, Великі Будища, Грунь, Ковалівка, Куземин] // Науковий світ. 2011. №12. С. 22-23.

26. Петрунь Ф.Е. Ханські ярлики на українські землі // Східний світ. № 2, 1929. С. 170-185.

27. Письма и бумаги императора Петра Великого. Том девятый (январь-декабрь 1709 года). Выпуск первый. М., Л.: изд-во АН СССР, 1950. 526 с.

28. Пінчук Я Похід армії Карла XII на Слобідську України: відображення події у щоденнику шведського фенрика Роберта Петре // Сіверянський літопис, 2016. №2. С. 117-127.

29. Приймак В.В. Путивльське удільне князівство Чернігово-Сіверщини. Полтава, 2007. 181 с.

30. Приймак В.В., Коротя О.В., Охріменко А.І., Сидоренко О.В. Звіт про археологічні розвідки ІКЗ “Більськ” на території Більського городища і його округи у 2005-2006 рр. // НА ІА НАНУ. Ф.е. 2006/85. 148 арк.

31. Приймак В.В., Осадчий Є.М. Північний схід Дніпровського Лівобережжя у кінці XVI-XVII ст. (історико-археологічні нариси). Полтава, 2006. 70 с.

32. Приймак В.М., Приймак В.В., Охріменко А.І., Осадчий Є.М. Нові матеріали козацької доби з території Більського городища // Нові дослідження пам’яток козацької доби в Україні. Часи козацькі: збірник наукових статей. К.: Вид. ЦП НАН України і УТОПІК, 2008. Вип.17. С. 64-69.

33. Реєстр війська Запорозького 1649 року. Транслітерація тексту. К.: Наукова думка, 1995. 592 с.

34. Скорий С.А, Супруненко О.Б., Приймак В.В., Коротя О.В. До питання про наявність Куземинського укріплення Більського городища. Археологія, 2008. № 4. С. 102-105.

35. Супруненко О.Б. Шерстюк В.В., Пуголовок Ю.О. Селітроварницький стан на Більському городищі. К.: Вид. ЦП і УТОПІК, ЦОДПА, 2010. 96 с.

36. Третьяков П.М. Стародавні слов’янські городища у верхній течії р. Ворскла // Археологія. К., 1947. Т. I. С. 124-129.

37. Филарет. Историко-статистическое описание Харьковской епархии. М.: Типография В. Готье, 1857. Отд. III. 604 с.

38. Центральный государственный исторический архив Украины в г. Киев. Ф. 127. Оп. 1012. Д. 12. Метрическая книга церкви Пресвятой Троицы.

39. Шафонский А.Ф. Черниговского наместничества топографическое описание с кратким географическим и историческим описанием Малья России, из частей коей оно наместничество составлено, сочинённое Действительным Статским Советником и Кавалером Афанасием Шафонским, с четырьмя географическими картами. Издание Судиенко М.И. К.: Типография Императорского университета Св. Владимира, 1851. 697 с., 4 карты.

40. Шрамко Б.А. Отчет об археологических исследованиях в 1994г. в Полтавской и Харьковской областях // НА ІА НАНУ. 1994/58.

41. Шрамко Б.А. На захист Городцова (з приводу публікації П.Я. Гавриша) // Археологія, 2006. № 3. С. 84-86.

42. Шутой В.Е. Борьба народных масс против нашествия армии Карла XII. М.: издание социально-экономической литературы, 1958. 448 с.

43. Щоденник камергера Карла XII Густава Адлерфельда про перебування шведів восени 1708 р. на Чернігово-Сіверщині. [пер. з англ. О. Герасимчука]. Сіверянський літопис. №2. 2016. С. 103-116.

References

1. Akty Moskovskogo gosudarstva, izdannye Imperatorskoyu Akademiei nauk. Tom 2. Razryadnyy prikaz. Moskovskiy stol. 1635-1659. SPb: izd. Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk, 1894. 773 s.
2. Akty Moskovskogo gosudarstva, izdannye Imperatorskoyu Akademiei nauk [red. D.Ya. Samokvasov]. Tom 3. Razryadnyy prikaz. Moskovskiy stol. 1660-1664. SPb: tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk, 1901. 674 s.
3. Arkhiv Yugo-Zapadnoy Rossii, izdavaemyy vremennoyu komissieyu dlya razbora drevnikh aktov vysochayshe uchrezhdennoyu pri Kievskom Voennom, Podol'skom i Volynskom General-Gubernatore. Kiev: v tipografii Kievskago Gubernskago Upravleniya. Chast' 6. Tom I. Prilozhenie: Akty ob ekonomicheskikh i yuridicheskikh otnosheniyakh krest'yan v XVI-XVIII veke (1498-1795). 1876. 795 s.
4. Astryab M.G. Staraya Poltavshchina i stoletnyaya tyazhba Markovichey so Svechkami i Pasyutami. (1720-1827 gg.) // Trudy Poltavskoy Uchenoy Arkhivnoy Komissii. Izdano pod redaktsiey deystvitel'nykh chlenov komissii: I.F. Pavlovskogo, A.F. Mal'tseva, L.V. Padalki i V.A. Parkhomenko. Vypusk vos'moy. Poltava: Elektricheskaya tipografiya G.I. Markevicha, Panskiy ryad, 1912. S. 49-193.
5. Bahryanyy I. Skel'ka. Roman. Kharkiv. Knyhospilka, 1930. 154 s.
6. Boplan H.L. de. Opys Ukrayiny, kil'kokh provintsiy Korolivstva Pol's'koho, shcho tyahnut'sya vid kordoniv Moskoviyi do hranyt's' Transil'vaniyi, razom z yikhnyimi zvychayami, sposobom zhyttya ta vedennyam voyen. Hiyom Levasser de Boplan. Opys Ukrayiny... Prosper Merime. Ukrayins'ki kozaky. Bohdan Khmel'nyts'kyi. K.: Naukova dumka, 1990. S. 17-114, karta.
7. Vavrychyn M., Hol'ko O. Pokazhchyk nazv ob'yektiv na Spetsial'niy karti H. Boplana 1650 h. // Kartohrafiya ta istoriya Ukrayiny. Zbirnyk naukovykh prats'. L'viv: vyd Instytutu dzhereloznavstva NAN Ukrayiny, 2000. S. 258-330.
8. Veselovskiy S.B. Smety voennykh sil Moskovskogo gosudarstva 1661-1663 gg. // Chteniya v Obshchestve istorii i drevnostey rossiyskikh. Kn. 3, 1911. S. 4-54.
9. Vossoedinenie Ukrainy s Rossiey. Dokumenty i materialy v trekh tomakh. Tom 3. 1651-1654 gody. M.: Izd. AN SSSR, 1953. 646 s.
10. Havrysh P.Ya. Kuzemyns'ke ukriplennya v Bil's'komu horodyshchi // Arkheolohiya, 2003. № 4. S. 116-123.
11. Gerodot. Istorii v devyati knigakh. L.: Nauka, 1972. 600 s.
12. Gilenkrok A. Skazanie o vystuplenii ego velichestva korolya Karla XII iz Saksonii i o tom, chto vo vremya pokhoda k Poltave, pri ee osade i posle sluchilos' // Poltav's'ka bitva 1709 roku poglyad kriz' prizmu tr'okh stolit'. Poltava: TOV «AGMI», 2009. S. 256-297.
13. Hrechko D.S., Kravchenko O.M., Osadchyy Ye.M., Pryymak V.V. Materialy kozats'koho chasu z posadu sotennoho mistechka Kuzemyn / // Kozats'ki starozhytnosti Livoberezhzhya Dnipra XV-XVIII st. Zbirnyk materialiv mizhrehional'nykh arkheolohichnykh chytan' (Okhtyrka, 19-20 zhovtnya 2015 r.). Sumy: SumDU, 2015. S.67-72.
14. Dvortsovye razryady, vysochayshemu poveleniyu izdannye II otdeleniem sobstvennoy, Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii. Tom vtoroy (s 1628 po 1645 g.). SPb, 1852. 496 s.
15. Istochniki malorossiyskoy istorii, sobrannye D.N. Bantysh-Kamenskim. Ch. I. 1649-1687. M.: V universitetskoy tipografii, 1858. 339 s.
16. Institut rukopisu Natsional'noi biblioteki imeni V.V. Vernads'kogo. Sprava 15401-15424. Stolbtsy Belgorodskogo stola. 1667. 1662. 1660. 1664. 911 ark.
17. Zhurko A.I. Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh poseleniy chernyakhovskoy kul'tury u pgt. Krasnopol'e, s. Velikiy Bobryk i razvedkakh v Sumskoy obl. v 1988 g. // NA IA NANU. 1988/123. 22 s. + 68 ris.
18. Kryvosheya V.V. Kozats'ka elita Het'manshchyny. K.: IP Ind im. I.F. Kurasa NAN Ukrayiny, 2008. 452 s.

19. Kuchera M.P. Sukhobokov O.V., Belyaeva S.A. Drevnerusskie poseleniya Srednego Podneprov'ya (arkheologicheskaya karta). K.: Naukova dumka, 1984. 196 s.
20. Lyapushkin I.I. Slavyane Vostochnoy Evropy nakanune obrazovaniya drevnerusskogo gosudarstva (VIII – pervaya polovina IX veka). Istoriko-arkheologicheskie ocherki. MIA № 152. L.: Nauka, 1968. 186 s.
21. Osadchyy Ye.M. Pam'yatky viys'kovoyi istoriyi Pivnichno-Skhidnoyi Slobozhanshchyny XVII st. Sumy: Dzherelo, 2011. 238 s., 103 il.
22. Osadchyy Ye.M. Selitrovarni komplekxy Seredn'oyi Vorskly (materialy do “Zvodu pam'yatok istoriyi ta kul'tury Ukrayiny. Sums'ka obl.”) // Kozats'ki starozhytnosti Livoberezhzhya Dnipra XV-XVIII st. Zbirnyk materialiv I Mizhrehional'nykh arkheolohichnykh chytan'. Sumy: Sums'ky derzhavnyy universytet, 2015. S. 86-98.
23. Opysy Livoberezhnoyi Ukrayiny kintsya XVIII – pochatku XIX st. K.: Naukova dumka, 1997. 325 s.
24. Padalka L. O drevnikh gorodkakh i nasypnykh valakh na territorii nyneshney poltavskoy gubernii // Trudy Poltavskoy Uchenoy Arkhivnoy Komissii. Izdano pod redaktsiyei deystvitel'nykh chlenov komissii: V.I. Vasilenka, L.V. Padalki i I. Fr. Pavlovskogo. Vypusk pervyy. Poltava: Elektricheskaya Tipografiya P.A. Dokhmana, Aleksandrovskaya ulitsa, 1905. S. 155-214.
25. Panchenko V. Mis'ka heral'dyka Zin'kivshchyny: [Zin'kiv, Velyki Budyshcha, Hrun', Kovalivka, Kuzemyn] // Naukovyy svit. 2011. №12. S. 22-23.
26. Petrun' F.E. Khans'ki yarlyky na ukrayins'ki zemli // Skhidnyy svit. № 2, 1929. S. 170-185.
27. Pis'ma i bumagi imperatora Petra Velikogo. Tom devyatyy (yanvar'-dekabr' 1709 goda). Vypusk pervyy. M., L.: izd-vo AN SSSR, 1950. 526 s.
28. Pinchuk Ya Pokhid armiyi Karla XII na Slobids'ku Ukrayiny: vidobrazhennya podiyi u shchodennyku shvedsk'oho fenryka Roberta Petre // Siveryans'ky litopys, 2016. №2. S. 117-127.
29. Pryymak V.V. Putyvl's'ke udil'ne knyazivstvo Chernihovo-Sivershchyny. Poltava, 2007. 181 s.
30. Pryymak V.V., Korotyia O.V., Okhrimenko A.I., Sydorenko O.V. Zvit pro arkheolohichni rozvidky IKZ “Bil's'k” na terytoriyi Bil's'koho horodyshcha i yoho okruhy u 2005-2006 rr. // NA IA NANU. F.e. 2006/85. 148 ark.
31. Pryymak V.V., Osadchyy Ye.M. Pivnichnyy skhid Dniprovs'koho Livoberezhzhya u kintsy XVI-XVII st. (istoryko-arkheolohichni narysy). Poltava, 2006. 70 s.
32. Pryymak V.M., Pryymak V.V., Okhrimenko A.I., Osadchyy Ye.M. Novi materialy kozats'koyi doby z terytoriyi Bil's'koho horodyshcha // Novi doslidzhennya pam'yatok kozats'koyi doby v Ukrayini. Chasy kozats'ki: zbirnyk naukovykh statey. K.: Vyd. TsP NAN Ukrayiny i UTOPIK, 2008. Vyp.17. S. 64-69.
33. Reyestr viys'ka Zaporoz'koho 1649 roku. Transliteratsiya testu. K.: Naukova dumka, 1995. 592 s.
34. Skoryy S.A, Suprunenko O.B., Pryymak V.V., Korotyia O.V. Do pytannya pro nayavnist' Kuzemyn's'koho ukriplennya Bil's'koho horodyshcha. Arkheolohiya, 2008. № 4. S. 102-105.
35. Suprunenko O.B. Sherstyuk V.V., Puholovok Yu.O. Selitrovarnyts'kyy stan na Bil's'komu horodyshchi. K.: Vyd. TsP i UTOPIK, TsODPA, 2010. 96 s.
36. Tret'yakov P.M. Starodavni slov'yans'ki horodyshcha u verkhniy techiy r. Vorskla // Arkheolohiya. K., 1947. T. I. S. 124-129.
37. Filaret. Istoriko-statisticheskoe opisanie Khar'kovskoy eparkhii. M.: Tipografiya V. Got'e, 1857. Otd. III. 604 s.
38. Tsentral'nyy gosudarstvennyy istoricheskyy arkhiv Ukrainy v g. Kiev. F. 127. Op. 1012. D. 12. Metricheskaya kniga tserkvi Presvyatoy Troitsy.
39. Shafonskiy A.F. Chernigovskogo namestnichestva topograficheskoe opisanie s kratkim geograficheskim i istoricheskim opisaniem Malyya Rossii, iz chastey koey one namestnichestvo sostavleno, sochinennoe Deystvitel'nym Statskim Sovetnikom i Kavalerom Afanasiem Shafonskim, s chetyr'mya geograficheskimi kartami. Izdanie Sudienko M.I. K.: Tipografiya Imperatorskogo universiteta Sv. Vladimira, 1851. 697 s., 4 karty.

40. Shramko B.A. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh v 1994g. v Poltavskoy i Khar'kovskoy oblastiakh // NA IA NANU. 1994/58.
41. Shramko B.A. Na zakhyst Horodtsova (z pryvodu publikatsiyi P.Ya. Havrysha) // Arkheolohiya, 2006. № 3. S. 84-86.
42. Shutoy V.E. Bor'ba narodnykh mass protiv nashestviya armii Karla XII. M.: izdanie sotsial'no-ekonomicheskoy literatury, 1958. 448 s.
43. Shchodennyk kamerhera Karla XII Hustava Adlerfel'da pro perebuвання shvediv voseny 1708 r. na Chernihovo-Sivershchyni. [per. z anhl. O. Herasymchuka]. Siveryans'kyi litopys. №2. 2016. S. 103-116.

УДК 94 (477) «9-17»

Куземинская крепость в X-XVIII веках

Евгений Николаевич Осадчий

Управление культуры и туризма Сумской
областной государственной администрации, Украина
Кандидат исторических наук
Email: sumchatyj75@mail.ru

Аннотация. В работе приводятся материалы исследований, проведённых на территории современного села Куземин. Этот городок возник как небольшое укреплённое поселение северян, а затем центр сельской общины древнерусского времени. После разрушения его монголами в XIII в. жизнь здесь возобновляется в середине XVII в. Куземин становится сотенным городом сначала Полтавского, затем Зеньковского и Гадячского полков. Во время событий Северной войны 1708-1709 гг. он был занят шведскими войсками и сожжён после их ухода. В XVIII в. Куземин заштатный уездный городок Черниговского наместничества. Он известен как центр гончарного и деревообрабатывающего производства.

Ключевые слова: Куземин, замок, Речь Посполитая, Северная война, фортификация.